

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

„Праздник кабацких ярыжек“

Пародия-сатира второй половины XVII века

I

В русской литературе второй половины XVII в., в силу определенных общественно-экономических отношений, начинает развиваться сатира, нападающая и на государственные учреждения и на общественно-бытовые явления. К этому времени относятся яркие сатиры на судопроизводство — повесть о Шемякинском суде, о Ерше Ершовиче, на пьянство, распущенность и корыстолюбие духовенства — Калязинская челобитная, повесть о попе Савве и др. Все эти памятники объединяются тенденцией их авторов, явно враждебной тому, что происходило в тогдашнем социально-экономическом мире, оценкой этого мира в духе определенной классовой идеологии.

Это было время, когда на поверхности оказались и оппозиционно настроенные классы, и группы внутри классов. После Смутного времени социальная борьба не прекратилась. С одной стороны, внутри господствующего класса дворян-помещиков создалась рознь, благодаря возрождению вотчинного землевладения, латифундий, рознь, заставлявшая иногда отдельных дворян объединяться с представителями других классов, с другой — назревает вражда между дворянами и буржуазией, доходившая до резких столкновений между ними и обусловленная противоречием их классовых интересов. С обеих сторон выделяются оппозиционно настроенные группы, выступавшие с резкой критикой некоторых явлений государственной жизни. А на этом фоне идет непрерывное брожение против обоих господствующих классов внутри тех, кто нес на себе все бремя «тягла», т. е. среди крестьян и «меньших» посадских людей. Многочисленные челобитные в Москву, обнаруживающие попытки законным путем добиться восстановления своих прав, служат прекрасным комментарием

к литературной сатире второй половины XVII в. и вполне разъясняют, на какой почве она выросла. Начиная с буржуазных верхов и кончая закабаленным крестьянином, появлялись недовольные дворянской администрацией; вся эта масса временами вспыхивала, перевес в отдельных случаях брала то одна, то другая сторона, но политически бесправные или недостаточно сильные эти оппозиционеры не могли еще выступить с настоящим активным протестом; оттого-то сатира оказывается для них в эту пору подходящим орудием.¹

Разумеется, каждая отдельная сатира должна быть основательно изучена с точки зрения ее идеологической установки, чтобы явилась возможность прикрепить ее к той или иной из оппозиционно настроенных в эту эпоху групп. Как мы видели, они очень разнообразны, и рассматривать все сатирические памятники XVII в. суммарно было бы неправильно: каждый из них отразил свой класс, имеет свою направленность и наконец свое художественное оформление в зависимости от среды, из какой вышел автор, и к какой он адресуется. Все эти вопросы встают перед исследователем, приступающим к изучению «службы кабаку» или «праздника кабацких ярыжек» — пародии-памфлета, с незнакомой еще в московской литературе силой и резкостью ставящего вопрос о вреде «царева кабака».

II

«Праздник кабацких ярыжек» или «служба кабаку» сохранился в трех списках, различающихся по составу. Все они имеют центральную часть, к которой собственно и относится название; но два из них кроме того дополнены рядом статей — выписок о пьянстве из различных источников и компиляций на ту же тему, а один имеет еще и новое предисловие, оправдывающее непривычную для тогдашнего читателя форму пародии.

Все эти дополнения составляют новую рамку для старого текста и должны изучаться отдельно. Первая задача исследователя — изучить генезис основного текста, т. е. пародии-службы.

Старший текст этой службы сохранился в списке Исторического музея, № 3860, который датируется следующей записью (л. 291—5): «сии кабак Никиты Петрова сына Новоселцова а подписал по его велению Прилуцкого монастыря дякон Юрье Попов назвищем Удачных лета 7174 (1666) году марта в 4 день». В этой записи большой интерес представляет указание на Прилуцкий монастырь. В XVII в. существовало

¹ Подробную характеристику этой эпохи см. М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. II, стр. 218—255.

два монастыря, носивших название Прилуцкий и Спасо-Прилуцкий: первый был построен в 40 верстах от Великого Устюга на левом берегу Северной Двины, второй — в 5 верстах от Вологды, на левом берегу реки Вологды.¹ Указание записи следует, вероятно, относить к тому из этих двух монастырей, который находился на берегу Северной Двины — в самом тексте службы мы найдем сведения об этой местности.

Список Прилуцкого монастыря (в дальнейшем называю его II) сильно попорчен, листы в нем иногда вырваны, иногда перебиты при переплете, приходится восполнять его пропуски и явно ошибочные чтения с помощью двух более поздних списков — половины XVIII в.: Историч. музея № 3859 и б. Румянц. музея из собрания Беляева № 1565.²

Оба последние текста, несомненно, идут от общего оригинала, имеют часто одни и те же ошибки, одинаково исправляют или наоборот искажают старший текст, сами не лишены большого числа ошибок, и таким образом также не дают целиком представления об оригинале памятника. Основной первоначальный текст предположительно восстанавливается на основании взаимной проверки всех трех списков.

Насколько можно судить по сохранившимся спискам, служба кабаку состояла из пародий на «малую» и «великую» вечерню с канонам, а в конце имела житие пьяницы. Порядок этой службы рисует нам судьбу постепенно пропивающегося пьяницы. На малой вечерне — благовест «в малые чарки, в полведришки пивышка, таже стихиры в меньшей заклад, в перстни и ногавицы и в рукавицы и в штаны и в портки», — на великой вечерне все принимает более грандиозные размеры: «позвоним во все платье, изопьем ковша по три вина, понесем ис погреба болшии ведра вина. Таже стихиры на все платье, вина до нага, вседневно скорби с въздыханием». К литии уже происходит «отлучение досталных крох и прибыток чюжаго имения», и наконец после канона идет «чтение на тюремном дворе».

Отдельные песнопения дают подробную характеристику «питуха» — героя службы. Перед нами проходит вся его жизнь, начиная с момента, когда он еще учится пить: «исперва неволею нудими бывают от родителей своих или от друзей своих ближних и мало по малу и сами гораздни станем пити и людей станем учити . . . где и не зовут и мы идем». Затем идет подробное описание того, как у пьяницы «во многие времена собираемо богатство во един час все погибе».

¹ Православные русские обители, СПб. (без года), стр. 86 и 93.

² Эти списки ниже называю И и Р.

« Очистился до нага, перстни на руке мешают, ноговицы тяжело носить, портки, и ты их на пиво меняешь всякому у себя велишь пить, а на завтра и самому будет просить рукоделье заложил еси и около кабака часто ходити извыкл еси и глядети прилежно ис чюжих рук извыкл еси пропився в раздранные ризы облечется. На кабак пойти не с чем, даром не дадут, заложить нечего . . . »

Та же бедность у него и дома: «ни единыя ризы в дому оставити . . . на ветр живот свой развеяша . . . дом потешен, голоду и холоду изнавашан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся».

Пропившийся пьяница, как один из участников «стада» ярыжных, который готов льстить каждому, кто достанет ему вина, рисуется в нашем памятнике в крайне реалистических тонах: «для ковша душу свою топши, пьющему потакаеш, льстиш, вежлив ся твориш пред ним, огонь у ярыжных из рук рвеш, его осужаеш, не гораздо светиш, пропоицу садиш и место ему одуваеш, чтоб ему сесть седалища не изгрянити, избу мятеш . . . , а как его опьеш, так ты, что бес, на старые полаты скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полаты, и приставай к нашему стаду . . . привыкай к побоям, поститися научись». Или вот грустные воспоминания самого пьяницы: «Днесь есми был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне было денег алтын десять, то все вычистили, и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего. А ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался, и в калу перевалаяся, дошел до заходу, тут и спал, пробудился, шед в полночь на реку умылся, яз всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детей своих розгонял, суды все притоптал, не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем».

В уста этого пьяницы вложено грустное признание: «валяюся с похмелья, жадает ми душа пити . . . умильно к целовалнику вопию: помилуй мя похмельнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно». Этот питух «оголя скачет, белые руки в роте греет, с ярыжными спознался, и на полатях в саже повалаяся, взявши кошель и под окны пошел просит денешки на чарку». Пропивши свое, не довольствуясь добровольными подачками, пьяница идет на воровство: «пропоица день за печью лежит свернувся, яко пес голодом мрет, а в ночи у пьяных мошны холостиш . . . , прутье терниш . . . на полатях смьшляеш, как бы кого облупити». Это настолько обычное явление в кабаке, что автор говорит о нем, как о своеобразном кабацком законе:

«лож ся не выводит, а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати век около корчмы воры держатца» «Кто с пропою не научился лгати?» — спрашивает иронически автор и продолжает: «не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати».

Пьяницы знают, что за это воровство они пострадают: «с кнутьем по торгу водими будем и оттуде и в тюрьму ввержемся». Не без грустной насмешки над самим собой, пьяница описывает «мзду» за свои «труды»: «в тюрьму вселился еси, и тамо сущую мзду трудов своих прием — ожерелье в три молоты стегано, перстень бур[мит]ской на обе руки наложил еси и нозе свои во кладе утверди» Правда, случается изредка, что люди поймут такого вора по неволе и отпустят его с миром, «яко бити его некого и сняти с него нечего».

Неприкрашенная жизнь видна в тех строках, где автор рисует отношение окружающих к пьянице. Вот жена и домашние жалуются на пьяницу-мужа: «Гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернеш ему шею на сторону, о чем долго не бросиш о землю. Всегда муж тои пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чужую сторону спознаша». С этой жалобой совпадает и признание самого мужа: «с блудницами расточих все свое имение родители мене отвергошася много было имения, из дому все выносил, и на тебе пропил, и к жене прибрел и наг и бос, борже спать повалился, а в нощи пробудился и слышах жену и детей злословящих мя: ты пьеш и бражничашь, а мы с голоду помираем».

Но и на кабаке судьба пьяницы невеселая: «хвалят пропоицу, как у него в руках видят, в кои поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился» — этот мотив повторяется у нашего автора часто.

Конец жизни пьяницы печален: «скончавшуся ему от воровства, никто по нем не потужит».

Таково в общих чертах содержание литературного памятника, по новому подошедшего к старой, хорошо знакомой древней Руси теме о пьянстве.

Пьянство вообще и в частности русское пьянство — это тема, с которой мы встречаемся в самых разнообразных жанрах древнерусской литературы, начиная с XI по XVIII в. включительно: слова и поучения, летопись, повесть, притчи, вирши, пародии — с разных точек зрения, но всегда с осуждением изображают это, глубоко вкоренившееся в русский быт,

явление. Причину такой актуальности этой темы в течение всего древнего периода нашей литературы следует искать не только в той идеологии, которая вместе с христианством в готовом виде была перенесена к нам из Византии, но и в тех местных условиях, которые эту идеологию отчасти укрепили, отчасти переработали уже на русской почве. Эти местные условия сделали то, что, начавши, по примеру византийской литературы, с осуждения пьянства как греха, с его моральной оценки, — наши писатели под влиянием быта стали переходить к обнаружению экономического вреда пьянства для определенных классов населения. Так постепенно церковно-религиозные обличения пьянства заменяются общественной сатирой на него, за которой нетрудно рассмотреть суровое осуждение тех, кто помогал развитию пьянства, т. е. правящих кругов, и искреннее участие к меньшей братии — «питухам» —, которых пьянство пускало по миру. Не перспектива адских мучений с неугасимым огнем заставляет в XVII в. предостерегать от пьянства его ревнителей, а экономическое разорение, угрожающее им. В итоге — слово против пьянства, которое слагал русский книжник, повторяя часто дословно аргументацию византийских отцов церкви, сменяется пародией-памфлетом, каким является «праздник кабацких ярыжек».

III

Для того, чтобы уяснить себе не только идеологическую установку этой пародии, но и ее художественное оформление, необходимо ближе подойти к вопросу о том, какую роль играло пьянство в русском быту этого времени, в какие формы оно облекалось. Поэтому, не захватывая картину развития пьянства на Руси на всем протяжении ее древней истории, я остановлюсь на значении его в быту Московской Руси XVI — XVII вв. Нам не важно в данный момент определить, права ли была летопись, вложившая в уста князя Владимира известное изречение — «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти»¹ — изречение, которым, как ссылкой на характер русского народа, принято издавна оправдывать русское пьянство; важно точно установить его общественно-экономическую роль в быту интересующего нас периода. Эту роль мы выясним по данным официальных документов и полуофициальных источников, каковыми являются описания России иностранцами. На этом фоне изображение пьянства в художественной литературе Московской

¹Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926, стр. 83.

Руси выступит перед нами, как факт не только литературный, но — в первую очередь —, как явление широкого общественного значения.

Московскую Русь, начиная с царствования Ивана Грозного, иностранцы посещали довольно часто, и за XVI—XVII вв. мы имеем в их описаниях много интересных данных для характеристики быта этого времени. Даже учитывая возможные у них ошибки, объяснявшиеся плохим знанием языка, принимая в соображение то, что иногда они писали не все по собственным наблюдениям, а повторяли слова своих предшественников, мы все же не можем не признать большой ценности этих описаний.

В частности, что касается пьянства русских, то все иностранцы, побывавшие в Москве в XVI и XVII вв., с редким единодушием пишут о его грандиозных размерах. Исключение среди них представляет один Михаил Литвин (Отрывки о нравах татар, литовцев и москвитян. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Пер. К. Мельник. Киев, 1890), который, укоряя своих единоплеменников за пьянство, все время ставит им в пример москвитян и татар: «в областях Московии и Татарии воспрещено пьянство», «москвитяне воздерживаются от пьянства», пишет он (стр. 26), добавляя, что Иван Грозный заботится о трезвости своего народа и потому для пьянствующих литовских солдат устроил в Москве слободу Налевки — «имя ее должно служить укором для нашего народа, склонного к пьянству» (стр. 27—28). Как увидим, этот автор был введен в заблуждение: о московских нравах он знал, видимо, лишь по недостоверным рассказам.

Все очевидцы вынесли другое впечатление. Они знали об ограничениях, введенных Иваном Грозным, но видели, что эти ограничения не сократили пьянства. Так, Дживованни Тедалди (Известия Дживованни Тедалди о России времен Ивана Грозного. Е. Шмурло. СПб., 1891) иначе объясняет происхождение той же самой слободы Налевка: «... здесь жили католики... они приезжали в этот квартал с правом продажи вина, пива и проч., что не дозволено самим москвитянам, в виду того, что им, как слишком склонным к пьянству, от которого сам государь весьма далек, он вообще не разрешает приготовления и продажи пива, исключая восьми дней до и после Р. Х., когда пить позволено ради праздника» (стр. 19).

Насколько правильно пояснил Тедалди причину такого запрещения, покажут нам ниже официальные данные, но уже из его слов мы видим, что о примерной трезвости москвитян в это время говорить не приходится.

Об ограничении права продажи и приготовления вина говорят и Герберштейн и Бох, но англичанин Дженкинсон, бывший в Москве в 1557 г., свидетельствует о существовании царских кабаков, в которых и мужчины,

и женщины пропивали не только имущество, но и детей своих (Середовин, Известия англичан о России во второй половине XVI в. Чтения в Общ. ист. и древн. рос. 1884, IV, стр. 34—35).

Флетчер (О государстве русском. СПб., 1905) оставил нам описание домашнего пьянства высших классов русского общества, которые во времена Грозного сохраняли за собой право не только держать дома вино, но и курить его. «Стол у них (русских. В. II.) более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку или небольшую чашку водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно как и ночью... Напиваться до пьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное» (стр. 124). Что касается народа, то Флетчер, отметивши «рабское и жалкое состояние» его, этим объясняет его пьянство: «Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания» (стр. 55).

От XVII в. мы имеем еще более яркие описания русского пьянства не только дома, но и в кабаке. Эти описания непосредственно подводят нас уже к тем картинам обнищания, которые рисует и «Праздник кабацких ярыжек».

В этом отношении особенно интересны показания Олеария, который впервые так резко и определенно нарисовал всеобщее пьянство, не пощадивши в своем описании и духовное сословие (Адам Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Перев. Барсова, М., 1870). «Порок пьянство распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, старыми и молодыми, до такой степени, что если видишь по улицам там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них и внимания, как на явление самое обычное. Попадет извозчик на такого пьяного, валяющегося на улице и ему знакомого, то взвалит его на телегу и отвезет домой, где получает плату за благополучную доставку. Русские никогда не упускают удобного случая выпить или опохмелиться чем бы то ни было, но большей частью просто водкой. Они считают за великую честь, если кто в гостях или собраниях их поднесет чарку и более водки, а простой народ — холопы или крестьяне — так ценят такую честь, что если какой-нибудь боярин поднесет им из соб-

ственных рук 3 и 4 и т. д. чарок, то они все будут пить, из опасения оскорбить отказом, до тех пор, пока не свалятся на месте, причем иногда отдают тут и душу богу, как это случилось однажды, в нашу бытность в России, когда служащие при посольстве нашем угощали и неотступно просили русских выпить еще. И не только простой народ, но и знатные бояре, даже царские великие послы, обязанные строго блюсти и поддерживать в чужих странах высокое достоинство своего государя, тоже не знают никакой меры в употреблении предлагаемых им крепких напитков, и если только напитки эти прилутся по вкусу, то они льют их в себя, как воду, так что совершенно теряют человеческий смысл, а иногда и до смерти опиваются. Такой случай был с одним великим русским посланником, отправленным в 1608 г. к шведскому королю Карлу IX. Несмотря на предостережение о том, что предлагаемая ему водка была весьма крепкая, посол этот напился ее до того, что в тот день, когда ему следовало представиться, его нашли мертвым в его постели». «... Пьянству русские люди преданы более всякого другого народа в мире. Когда они уже через меру напьются, то как необузданные звери предаются всему, к чему побуждают их страстные желания». В виде иллюстрации, Олеарий рассказывает, со слов великокняжеского переводчика, случай, который тот наблюдал в Новгороде на площади перед кабаком, где народ собрался около пьяных мужчины и женщины, заснувших посреди дождя. «Целая толпа молодых парней смеялись и глумились над таким зрелищем, до тех пор, пока наконец не подошел один старик, который накинул кафтан на лежавших, и таким образом прикрыл срамоту их», — так заканчивает этот эпизод Олеарий.

Описание русских праздников у Олеария наполнено изображением сугубого пьянства, которым отмечаются эти дни. Так на масленой, по его словам, «русские до такой степени услаждают себя и напиваются водкой, медом и пивом, что теряют всякое сознание, вследствие чего бывает всякого рода разгулье и шалости, а в прежнее время... совершалось множество драк и убийств» (стр. 356). «Во все время св. Пасхи русские... как духовные, так и светские люди, мужчины и женщины, ревностно посещают питейные дома и другие лавочки с продажей пива, меда и водки. Причем они так напиваются, что валяются по улицам, и уж тут родственники таких напившихся хлопочут, чтобы свезти их на телеге или санях домой, потому что при таких случаях нередко бывает, что на другой день находят на улицах много убитых и ограбленных до нага. Такой беспорядок и безобразия в посещении кабаков, впрочем, в настоящее время несколько уменьшились по настоянию Патриарха» (стр. 93).

Пьянству приписывает Олеарий частые убийства в России: «чаще всего совершаются они в большие праздники, преимущественно на масляной неделе, в течение восьми дней перед великим постом, когда русские целые дни пьянствуют до безумия» (стр. 188). Им же он объясняет частые несогласия в русских семьях: «Несогласия между супругами и даже побои происходят у русских или от того, что жены поносят мужей своих неприличными и бранными словами, на что они всегда бывают готовы, или от того, что жены пьянствуют чаще мужей» (стр. 212). «Духовные особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, так же как и миряне и крестьяне, часто встречаются пьяные. Хотя ни в одном монастыре не держится вина, водки, меду или крепкого пива, но только употребляется квас, то есть тонкое пиво, но монахи пользуются свободой в этом случае, когда выходят из монастыря, посещают своих добрых приятелей, причем не ограничиваются тем, что сильно выпивают в гостях, но требуют также, чтобы напитки отпустили с ними и домой, и часто они так напиваются, что только и можно по одежде отличить их от пьяных мирян» (стр. 183).

Олеарий описывает и свои впечатления от кабаков, отмечая, что они способствуют росту пьянства в народе и его обнищанию: «В бытность нашу в Москве там везде находились открытые питейные дома или кабаки, в которые всякий желающий имел вход и пил за свои деньги водку; при таком удобстве простой народ все, что зарабатывал, приносил в кабак, и так крепко засиживался там, что, пропивши заработок, снимал с себя платье, даже рубашку, и оставлял ее продавцу за водку, а затем, нагой, как родился, возвращался домой. В 1643 г., когда я был в Новгороде, и помещался в гостинице, что на Любецком дворе, недалеко от моего пребывания находился кабак, и тут-то случалось часто мне видеть, как эти напившиеся и пропившиеся молодцы выходили из кабака — кто без шапки, кто без сапог и чулок, а кто и в одной рубашке. Между прочим я заметил одного, который, пропивши кафтан, вышел из кабака в одной рубашке и, встретив на дороге хорошего приятеля, также направлявшегося к кабаку, опять вернулся с ним в кабак. Через несколько часов молодец мой вышел снова из кабака, но уже без рубашки, в одних портах. Когда я спросил его, где дел он рубашку, кто обобрал ее у него, он отвечал с прибавкою обычной матерной брани, что это сделал целовальник. Затем, заметивши, что где остались кафтан и рубашка, там могут остаться и порты, он вернулся опять в кабак и через несколько времени вышел оттуда уже совершенно наг. Сорвавши полную руку травы одуванчик, росшей около кабака, он прикрыл

ею свое срамное тело и отправился себе домой веселый и припеваючи» (стр. 179—180).

Указав, что теперь вместо маленьких кабаков в каждом городе заведены Кружечные дворы, где не продают водку маленькими порциями, Олеарий добавляет: «Но от такого распоряжения повседневное пьянство мало уменьшилось, ибо несколько соседей складываются вместе, покупают себе штоф и более водки, и не расстаются, пока не опорожнят посуды, причем часто тут же и свалятся друг подле друга. Некоторые же покупают водку разом по большому количеству и тайно распродают ее по чаркам. Поэтому хотя теперь не видно уже такого множества до гола пропившихся, но все-таки немного меньше прежнего встречается пьяного народу, шатающегося и валяющегося по улицам. Женщины также вовсе не считают за стыд напиваться до пьяна и валяться пьяными на дороге подле мужей своих» (стр. 181—182).

Известно было Олеарию и то, какую роль играли кабаки в пополнении царской казны. Перечисляя царские доходы, Олеарий пишет: «Трактиры, корчмы, кабаки или кружечные дворы, как их теперь называют, приносят великому князю вообще огромные деньги, так как ныне во всем государстве он один имеет право держать их, и как русские предаются употреблению вина выше всякой меры... В Новгороде постоянно было три кабака, из которых каждый давал в год доходу по 2000 рублей, что со всех трех составит 12000 рейхсталеров; при теперешнем новом порядке доход этот еще увеличился. Теперь кабаков, хотя они не все приносят такие большие доходы, во всей стране считается до тысячи» (стр. 261).

Путешественники конца XVII в. не могут добавить ничего существенно нового к картинам, набросанным Олеарием. Но для полноты напомним и их впечатления.

Яков Рейгенфельс (Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии. Падуя 1680. Перев. А. Станкевича, Москва, 1906) бытовыми картинами и историческими анекдотами описывает пьянство русских: «Они думают, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись и не напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищей до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь... В праздники им позволено, даже дано преимущественное право напиваться безнаказанно до пьяна; тогда можно видеть, как они валяются на улицах, замерзнув от холода, или развозятся, наваленные друг на друга, в повозках и санях, по домам. Об этот камень часто спотыкается и слабый пол, а также непо-

рочность священников и монахов». Последние, по его словам, «крайне невежественны и нередко подвержены пьянству, предпочитая лучше казаться святыми, нежели быть таковыми действительно» (стр. 145, 169). «Хотя русские и стараются извинить свое постоянное пьянство, ибо они предпочитают пить водку и днем и ночью, тем, что, кроме давнишней привычки, (весь север-де уже с издавна много пьет), оно им еще необходимо для защиты от холода, но все-таки им не удается вполне смыть с себя позорное пятно пьянства» (стр. 146). Рейтенфельс приводит рассказ о том, как Стефан Баторий взял Динабург, спивши водкой московский гарнизон (стр. 146).

Немного позже характерное описание русских праздников дает Иоанн Георг Корб (Дневник путешествия в Московию. 1698 и 1699 гг. Перев. А. Малейна, СПб., 1906). Заметивши вообще, что «чем большей торжественностью отличается какой-нибудь праздник, тем больше и поводов к широкому пьянству» (стр. 52), — он более детально останавливается на некоторых из них. «Неделю, предшествующую четырьдесятице, русские называют масленицей... правильнее я должен назвать эту неделю Вакханалиями, потому что во все время ее московиты предаются сплошному разгулу. Похоть становится тогда совершенно бесстыдною, пропадает всякое уважение к высшим властям, повсюду царит самое вредное своеволие, как будто преступления, совершенные в это время, не подлежат никакому преследованию ни со стороны суда, ни со стороны беспристрастного закона. Разбойники пользуются такой безнаказанностью, что ни о чем почти и не слышно, как только об убийствах да похоронах. Правда, в определенных местах расставлены караулы, чтобы предупредить подобные бедствия, но часовые пьяны и заражены общими пороками, а потому их не связывает никакая забота, никакой страх» (стр. 128). Праздник Пасхи русские справляют «непрерывным разгулом. При этом женщины не отличаются большим воздержанием сравнительно с мужчинами; обыкновенно они первые начинают безобразничать от неумеренного употребления водки, и почти на всех улицах можно встретить их, бледных, полунагих и бесстыжих» (стр. 51). «День св. Николая, покровителя Московии, считающийся у русских большим праздником, они справили с большой торжественностью. Они считают неприличным и непристойным не уииться в этот день вином или водкой, так как чем больше торжественности у праздника, тем более позволительно, по их мнению, увлечение пьянством и другими утехами» (стр. 150).

Фан-Кленк и современники Петра Великого были свидетелями главным образом пьянства в высших слоях. Описание посольства Фан-Кленка до

Москвы (Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900) наполнено перечнями подарков, которыми встречали и провожали по пути знатных гостей — среди этих подарков всегда называются бочки водки, ведра пива и меду. Порции этих напитков, полагавшиеся ежедневно к столу посла и чинов его свиты, соответствовали, очевидно, привычкам русских распорядителей приемами иностранцев. Здесь послу назначалось, например, — «по 6 чарок вина двойного, по 2 чарки романей, или реиского, по 2 кружки меду обарвого, по 3 кружки меду паточного, по ведру меду цеженого, по 2 ведра пива доброго ячного» (стр. 310). Описание внимательно отмечает все пиры, которыми чествовали гостей, и ответные обеды и приемы у самого посла. После одного из таких обедов «переводчик Фан-Асперен был послан с поручением к губернатору; этот последний заявил, что он такое получил хорошее угощение в предыдущий день, что, по его словам, он еще до сих пор его чувствует и, пожалуй, не встал бы еще: по-русски считается комплиментом, если они, быв где-нибудь в гостях, на следующий день при благодарности прибавляют, что были мертвецки пьяны» (стр. 334). Описывая похоронный обряд у русских, автор замечает, что после похорон «для друзей готовится поминальный пир, на котором как мужчины, так и женщины топят свое горе в доброй попойке». В поминальные дни также устраиваются пиры, где «все как священники, так и другие напиваются до того, что уже не могут стоять на ногах» (стр. 438).

Фан-Кленк также отмечает особенное пьянство на праздниках: «В Москве принято и у немцев, и у русских эту (пьянскую) *В. П.* неделю угощаться, пировать и так напиваться, что они забывают обо всем и находятся почти в бесчувственном состоянии: это они называют хорошо угоститься». Фан-Кленк был поражен цифрой дохода с кабака: «...С ноября до половины января за два с половиной месяца в новом кабаке или гостинице в Польской слободе получено 136 тысяч рублей, каждый ценою в дукат; это, хоть и кажется невероятным, тем не менее истинный факт. Эти люди пьют до такой степени, что пропивают не только свои деньги, но и одежду, жен и детей, даже сами себя, и делаются через это рабами» (стр. 443). Последние сведения относятся уже к характеристике того широкого пьянства, которое шло по кабакам и вело к обнищанию народа — картина, с которой мы встретимся и в «Кабацком празднике». Этот кабацкий разгул, видимо, обратил на себя особое внимание автора, и потому он еще раз возвращается к изображению его. «Простой народ так падок до вина, что часто они не только летом, но и зимою при жестоком

холоде, не только пропивают свое верхнее платье, но и нижнее, даже рубаху с тела, и голышом выбегают из кабака домой. Даже женщины из просто-народья допиваются иногда до того, что оставляют платье свое под залог и голые, вытолканные из кабака, валяются от пьянства на улице и часто терпят ущерб своему целомудрию, которое и так не очень велико» (стр. 528—9).

Репутация пьяниц держалась за русскими прочно, и потому, например, Фоккеродт (Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Отгона Плейера. Перев. Шемякина. М., 1874), описывая татарскую конницу, говорит: «они самые трезвые, хорошие и прилежные люди, пока держатся магометанской веры... но зато согласившиеся креститься, зауряд пьяницы, преданы также и разным другим порокам, потому что побратались потом с русскими» (стр. 46).

Джон Перри почти целиком повторяет картины повального пьянства, знакомые нам по Олеарию. (Джон Перри капитан. Состояние России при нынешнем царе. Перев. Дондуковой-Курсаковой, М., 1871). «В народе, а также между священниками в праздничные дни существует обыкновение утром ходить в церковь, а после обеда напиться пьяным до ночи, и чем больше праздник, тем более это считается извинительным и обычным. В такое время, проезжая по улицам Москвы, в вечер великого праздника, вы видите священников, равно как и других людей, лежащих пьяными на улицах. Если кто-либо заговорит с ними или подойдет к ним, чтоб помочь им встать, они говорят: Воля твоя, батька, праздник, я пьян... Напиться пьяным нимало не считается непристойным для женщины, и не только женщины низкого происхождения, но даже знатные светские женщины нисколько не стесняются признаться, что они были пьяны и, возвращаясь в общество, где их угощали, благодарят за то, что их напоили, как за вежливость и любезность. Действительно в то время, когда я приехал в эту страну, и в течение нескольких последующих лет существовало обыкновение не только на больших праздниках, где присутствовал двор, но и в частном собрании приятелей, перед тем как гости разойдутся, напавать их до опьянения, а не то считалось, что прием не был достаточно радушен. Обыкновенно их приневоливали и заставляли пить, и доходило до такой степени, что двери и ворота замыкали, и к ним приставлялась стража, чтоб никто не мог выйти, прежде чем получит свою долю, а не то это считалось скупостью, и как будто хозяин не хотел радушно угостить приятеля». Перри отмечает, что в высшем обществе после 1705 г. этот обычай выводится, но «в среде простого народа еще господствует обычай

напиваться пьяным в день праздника какого-либо святого, считая это знаком уважения к нему, и делом религиозным. Таких праздничных дней у них бывает много в году. Сколько бесчинства, убийства и злых дел связано с этим обычаем, и все это оттого, что священники не просвещают их, они даже присоединяются к ним и поощряют примером своим. Я положительно тысячу раз видал их столь пьяными, что они не могли стоять на ногах. Предоставляю читателю судить: даже страшный грех Содомский в этой стране почти не считается преступлением, в пьяном виде они очень к нему склонны. Ничего нет более обыкновенного, как во время русской масленицы и в другие дни утром после великих праздников слышать о совершенных убийствах и видеть ограбленных и убитых людей, лежащих на улицах Москвы» (стр. 147—148).

Что же в итоге дают нам эти наблюдения иностранцев над русским пьянством? Они отмечают, что оно было распространено во всех классах населения, что оно вело к огрубению нравов, семейным неладам, а с организацией кабаков — и к обнищанию народа. Этот экономический момент в общем мало затронутый иностранцами, может быть дополнительно освещен историей кабаков по документам. Они вскроют и объективные причины, которыми диктовалась государственная организация пьянства, осуждение которой нашло себе отражение и в художественной литературе.

IV

Феодальная Русь предоставляла всем сословиям право варить пиво и мед дома, при условии выплаты медовой дани и подати с солода и хмеля. Рядом с этим свободным курением пива, вина и меду существовали общественные питейные дома, где продавалась и еда и питье. Эти корчмы в княжеских городах держали сами князья, а в других местах корчемником мог быть каждый. Но уже с XV в. начинаются ограничения в праве готовить питье, и это право постепенно остается лишь за казной, да в виде привилегии сохраняется за представителями высших классов. Однако, XV в. и XVI в., до половины его, еще не знают исключительно питейного дома: корчма сохраняется в прежнем виде, только «вольные» корчмы преследуются; их могут держать лишь недельщики, десятники.¹ Корчмы как доходная статья даются боярам. Одновременно с 1552 г. запрещается посадским людям и становым и волостным крестьянам держать питье на продажу.

С Ивана Грозного на смену корчме приходит кабак, как специальный питейный дом. Он предназначался главным образом для крестьян и посад-

¹ Прыжов. История кабаков в России, стр. 39.

ских людей, так как остальные классы еще сохраняли право готовить напитки дома, хотя это право постепенно также подвергалось ограничениям (Прыжов, стр. 46).

С половины XVI в. в Москве, торговля которой, и внутренняя, и отчасти даже и заграничная, носила еще вполне ремесленный характер, начинается поворот в сторону накопления торгового капитала. Этот поворот выразился на первых порах в образовании целого ряда царских монополий. Первые цари дома Романовых монополизировали постепенно в своих руках наиболее ценные предметы сбыта; недаром долго проживший в России Коллинс назвал царя первым купцом в своем государстве: этот купец торговал икрой, рыбьим клеем, лососиной, мехами, шелком.¹ Таким образом водка далеко не была единственным товаром, торговать которым составляло привилегию царской казны.

В течение XVI и XVII вв. царская казна еще колеблется: то она забирает в свои руки все кабаки, то жалует «тамгою и кабаком» бояр, одинаково русских, немцев и татар; то подтверждает приказ всему церковному причту и монастырям не курить вина дома, а покупать его на кружечных дворах, то сквозь пальцы смотрит на то, как монастырский кабак или корчма конкурирует с сельским (Прыжов, стр. 53—4); то отдает кабаки на откупа, то опять ставит выборных «на вере» людей торговать в нем. За всеми этими мерами кроется одна цель — «искать перед прежним прибыли», т. е. увеличивать доходность с кабаков, которая должна была пополнять оскудевшую, особенно после Смутного времени, царскую казну.

Как же был организован кабак, и почему он сыграл такую печальную роль в жизни народа, от души возненавидевшего сразу это новое учреждение?

В кабаке, в отличие от старой корчмы, можно было только пить. Управлять кабаком выбирался на год из самого населения или присылался со стороны голова и целовальник. Этот «кабацкий служитель», огорванный от своего хозяйства, не только не получал жалованья за службу, но отвечал еще за недобор кабацкой прибыли против сметных предположений, присылавшихся из Москвы, и нес ряд расходов, непосредственно связанных со своей службой: с него брали деньги на служебные поездки, с него шли в Москве взятки подьячим и приказным (Ан. Попов. Царев кабак в старом Архангельске. Ассоциация по изучению производительных сил Севера при Архангельск. Губ. ланд. и Архангельск. общ. краеведения. Бюлл., вып. I, Арх. 1927, стр. 41). Поэтому, когда выбор падал на бедняка, то, по словам

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, стр. 80, 87—91.

Посошкова, «если ему не украсть, то и хлеба ему добыть негде» (Попов, стр. 62). В итоге — одни на этой службе разорялись сами, другие разоряли народ, и от выбора на кабацкую должность всеми силами старались отделаться. При выборе давали присягу и целовали крест; это не мешало, однако, так усердно грабить и казну, и народ, что в 1679 г. патриарх советовал Собору не приводить голов и целовальников к вере, «чтобы клятвы и душевредства не было», но бояре возразили, что и «за верою было воровство многое, а без подкрепления веры опасно, воровство будет больше прежнего». После двухлетнего опыта, когда «объявилось многое воровство и питейной казне кража и во многих городах большие недоборы» — присяга была восстановлена (Попов, стр. 65).

На каждый кабак был положен оклад, который на всякий следующий год высчитывался с прибылью против прошлых лет. Для сбора его целовальникам было позволено действовать «бесстрашно, за прибыль ожидать его государевы милости и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять».

По точному смыслу этого разрешения один целовальник доносит в 1618 г.: «Я, государь, никому не норовил, правил твои государевы доходы нешадно, побивал на смерть». Но если мы вспомним, что за недобор целовальника вели на правож, то станет отчасти понятной его жестокость. Если же он пытался оправдаться в недоборе, донося — «в твоих, государь, царских кабаках питухов мало». — то ему обиженно отвечали: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало» (Прыжов, стр. 69—71).

Итак кабаки надо было сохранить во что бы то ни стало, хотя вред их бывал подчас ясен и самим устроителям. В 1652 г. в Москве созывается специальный «собор о кабаках», постановление которого предусматривает ограничение продажи вина — «больше той указной чарки одному человеку продавать не велели... всяким людям в долг и под заклад и в кабалы вина с кружечных дворов не продавать». Были указаны дни и часы, когда торговля вином запрещалась; «а на кружечном дворе питухам и близко двора сидеть и пить давать не велели и ярышком и бражником и зерщиком никому на кружечном дворе не быть». «А священнического и иноческого чину на кружечные дворы не пускать и пить им не продавать» (Попов, стр. 45).

Но «в условиях экономического кризиса, переживавшегося Московским государством, это соборное определение в ближайшие же годы подверглось поправкам, изменившим самое существо реформы». Уже в 1659 г.

посылается в Архангельск царская грамота воеводе — «пиво и мед продавали б, как бы нашей казне было прибыльней, а питухов бы с кружечных дворов не отогнать». Запрет продажи вина духовенству также не выполнялся. В записных тетрадях 1683 г. Архангельского и Кулупской заставы целовальников среди покупателей находим попов, дьячков и монастырских старцев. Последние покупали, видимо, иногда на всю братью, так как в тетради значится покупка 14 ведер вина (*ibid.*, стр. 46—47).

Насколько кабаки были ненавистны народу, показывает ряд челобитных с просьбой снести их (Прыжов, стр. 105). Жалобы на то, что головы и целовальники кабацкие обирали народ, чтобы не уменьшался кабацкий сбор, слышались нередко: шуянин Ивашка Тихонов бьет челом царю, что его отец пьет в кабаке безобразно, а голова и целовальник «кабацкого питья дают ему в долг не по животом и промыслу». Земский староста от себя и всех шуян бьет челом царю на шуянина Короба, что он «пьет и бражничает безобразно и зерню и карты играет и жену свою бьет и мучит не по закону» (*ibid.*, стр. 115). А вот документ, показывающий, как пропивались на кабаке: в одной из расходных книг Николо-Карельского монастыря 1584—85 гг. читаем: «Ивашка крылошанин варзужанин пропил на Колмогорах платье монастырское ферязи мерлушки под сукном под синим да сермягу да рубашку да чернильницу — выкупили платье, дали под платье десять алтын» — около 30 рублей наших (Попов, стр. 50).

Ненавидя кабак, насильно введенный в его быт, народ продолжал тайно курить вино и продавать его, хотя еще указом 1660 г. напоминалось за это «сечь руки и ссылат в Сибирь» (Прыжов, стр. 112). Даже монастырь позволял своим крестьянам только в определенные праздничные дни держать «явленное» ему пиво, иначе их обвиняли в корчемстве, и за это приказывалось «доправить пеню и бить плетью нещадно», а «кто беден и нечего из него взять, того бить батогами» (*ibid.*, стр. 49). Но несмотря на то, что кабацкие выборные усердно следили, чтобы «мимо кабаков вина не курили, пива не варили, медов не ставили», — корчемствовали всюду — крестьяне, солдаты, монастырские служки, сами кабацкие головы с товарищи, бурмистры, воеводы, дьяки, и даже в Московском Кремле при Алексее Михайловиче возле царского двора в земском приказе торговали табаком и вином. По примеру кабаков, в этих тайных корчмах также грабили народ, брали в заклад перстни, пояса и все платье, брали заклады «статинные и разбойные и сами пьяных грабили... А зерню... запоя пьяных, все заговором оговаривают и даром отнимают и грабят, кости

и карты подделывают» (ibid., стр. 79). Знатные люди за корчемство платились вотчинами, народ шел на правез, но пьянство не сокращалось от этих мер, так как правительство, борясь с тайной продажей вина, поощряло свои кабаки: «питейная прибыль» играла слишком видную роль в его финансовой системе. Недаром современник серб Юрий Крижанич считал кабацкую монополию — «самоторжие» — причиной «мерзкого, гнусного и страшного пьянства». (Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов, ч. 1, М., 1859, стр. 297—301). Истолкование вредных сторон монополии на вино, данное Крижаничем, представляет значительный интерес, как голос современника этой монополии.

«Како могут кабаки быть причина пьянству?» ставит он вопрос и обстоятельно отвечает: 1-е. Або для ради того самоторжия не смеют си люди пива варить, без приказничего доущения: а тамо им ся напишует, да беху за три или за четыре дни после уварения питье изпили, и долже в домех не хранили. Тем адда люди да беху навареное питье скорее изпили, на силу пият и опияют ся. А суседи немаючь ся чесо дома напить, нить где инде напитокка купить, без срама седят, и не отходят от оного пива; доколе чуют едину каплю быть в бачве. Ино тако краль (царь — установитель монополии, *В. II.*) бывает причина и участник и право велитель греху народному. 2-е. Або люди мелкого счастья (и) немают силы, да беху си дома пива или вина приготовили. А корчем нигде несть, в коих беху ся со временем напили; окром царских корчем, в коих и место и посудие есть от всякого свиньского котца гнуснее, и питье само пребридко, и самую бесовскою ценою ся продает. А что вяще, и те сами адны кабаки несуть людем на руках, но в одном великом граду, еден или два кабака. Для ради того, мовлю, мелки люди мало не и в век бывают лишены напоев: и по наслідку постают несмерно лакомы на питье, бесстыдны, и згола бешены: тако да какову коли велику посуду вина им в руки подаси, заповедь божию и цареву быть нещят, да беху ю на еден душок изпили. Они же аще когда с колико пенязцев соберут, и в кабачный ад придут, тогда ся в конец збесят, да и рухлядь, кую имают дома, исукно из хребта пропиют. 3-е. Або без добывеного доущения несть вольно варить пития. А доущение ся не дает, аще ся просит без приписания причины которья или ти нужи. Для ради того люди настоят выдумовать разныя причины, да беху могли добыть доущение на уварение напоа. Отселе изходят пировны законы и обычаи: до окром светлого воскресения, и иных годовных великих праздников, введен есть бешен закон, для ради праздника Миколы и строить пирь

и бують да пьянчевать за одну и за две целыя недели. Отголе же изидоша заговейны пиры, отголе имянины, родины и крестины: отголе поминания тако часта, коими ся души паче обтяжчают неже облегчают. Пьянством бо и новым грехом не чистится старый грех. Отголе наконец исходят и сами Дворски пиры: которые велики господари наряжают либо послом иностранским, либо своим домашним властелем и дворяном».

На вопрос, не есть ли это пьянство результат природного гостеприимства славян, Крижанич отвечает ссылкой на другие славянские народы, родственные русским и, однако, не склонные к «скаредному пьянству», «да беху ся по улицам в блату утоплены валяли мужи и жены мирски и духовны, и да беху многи от пьянства умирали. Нигде ся не зрит толико поневольных пиров и тако различных пиром имен. Нигде инде ся не зрят таковы промыслы и таково принуждание к упоению, неже токмо где ся обретают бесовски кабаки» (стр. 300).

Как видим, Крижанич довольно глубоко затрагивает вопрос о русском пьянстве. Для него кабаки вредны не только сами по себе, разоряя народ подчас до тла, но они страшны и своим развращающим действием на весь быт: приучая не пить, а наливаться, они переносят это обыкновение в домашнюю жизнь, чем усугубляется не только нравственное, но и экономическое разложение целых сословий.

V

На фоне всех приведенных исторических данных особенно ярко выступает реализм автора «службы кабаку». Его тема — именно кабацкое пьянство. Изредка наравне употребляя оба названия — кабак и корчма, автор надеяет их одинаковыми эпитетами, и только в одной стихире отразилось воспоминание о различии этих имен. Там автор различает прошлое и настоящее: «иже прежде зовема и в древняя наша лета корчма, ныне же тайно глаголем и умильно взываем: радуйся, кабаке...». Но обычно современная автору корчма ничем не отличается в его сознании от кабака. О том же, как мы видели выше, говорят и официальные данные. Ко второй половине XVII в. корчемство пустило глубокие корни, добралось почти до самых царских палат в Кремле, и приемы спаивания и грабежа в этих тайных корчмах практиковались те же, что и в кабаке. Таким образом, смешивая иногда эти два термина, автор по существу не искажает историческую картину: «людем обнажение велие» происходило везде. Но целовальник, как представитель кабацкой власти, «неправым богатством» разбогатевший, упоминается в сатире не раз: к нему «умилно вопиет»

пьяница, прося в долг опохмелиться, он негодует на пьяницу, зовет ярыжных с батогамы, ведет его на правож или в тюрьму. Все это, как мы знаем, точные картины быта, и они, видимо, преобладают в памяти нашего автора, несколько оттесняя на второй план корчму, тускнеющую перед прелестями царского кабака.

Отмечая, что постоянными посетителями кабака были представители разных классов, автор показывает нам целую галерею портретов их, метко схватывая при этом профессиональные особенности каждого в перечне «даров», которые «со усердием сердца своего» несут в кабак и корчму клиенты. Перед нами проходят «поп и дьякон, черницы, дьячки, мудрые философы, служилые люди, князе и бояре и воеводы, пушкары и солдаты, сабелники, лекары и обманщики, тати и разбойницы, холопы, женки, мужние жены, зернщики и костары и такалщички, ростовщички, скупщички, купщы, десятнички и довотчички, пономары, повары, леснички, кузнецы». Одни пьют, другие грабят — и все вместе составляют живую картину кабацкого быта. Нельзя не заметить, что в этом перечне автор с особым вниманием останавливается на различии даров у представителей духовенства. О пьянстве его выше еще он дает очень резкий отзыв: «Мечюще одеяние свое, ходяще безпрестганы на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дьяконы, склад чиняху и на мед посылаху на ведро, глаголюще: пропьем однорядку темнозеленую да повесе имся, не пошадим кафтана зеленого, сорокоустными денгами откупимся. Сиде попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать; черными сермягами оболчемся и у мужиков во брачинах изопьем и от попадеи жюрбы убежим». Вспомним, что писали иностранцы о пьянстве русского духовенства: Олеарий рассказывает, как в Новгороде он видел «попа, шатавшегося пьяным на улице, только в одном кафтане или нижнем платье, верхний кафтан свой он, без сомнения, заложил в кабаке. Проходя мимо гостиницы, в которой я останавливался, он хотел, по обыкновению своему, благословить стрельцов, державших стражу; но в это время, когда он, простерши руку, несколько наклонился, голова у него отяжелела, и он упал прямо в грязь. Стрельцы подняли его на ноги, и он все-таки благословил их, хотя и вымаранными в грязи перстами. Так как подобные зрелища повторяются ежедневно, то никто из русских не обращает на это никакого внимания» (стр. 182—3). Описывая одежду священников, Олеарий отмечает особое значение их шапочки — скуфы: «Если кто ударит попа и при этом попадет по шапочке или сронит ее с головы священника на землю, тот подвергается большому взысканию и должен заплатить попу бесчестие. Но от этого попы не меньше получают побоев

ибо вообще они более нетрезвый и праздный народ, чем все другие люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимают ее с пона, затем поколотят его хорошенько и снова бережно надевают на него оную» (стр. 351). На поминках по покойникам «священники и все другие напиваются до такой степени, что домой ползут уже на четвереньках» (стр. 367).

В таком же резком тоне о пьянстве духовенства позже писал Корб: «Священники всегда имеют обыкновение носить с собой крест. Очень жаль, что драгоценнейший символ нашего искупителя, носимый самыми презренными человечешками, должен часто валяться в сору и грязи в руках у ослабевших и шатающихся от чрезмерно выпитой водки людей» (стр. 230—231). Монахи, продолжает Корб, «во время поста до такой степени изнуряют свою плоть, что грехом считается даже давать лекарство больным; по миновании же срока поста, они предаются всякому разгулу и, более похожие на гуляк, чем на монахов, пьяные неистовствуют на площадях. Часто можно видеть, как, сбросив с себя всякую стыдливость, они предаются разврату на проезжих площадях» (стр. 229).

В описании русской свадьбы автор, указывая момент, когда невесту везут в церковь, говорит: «Жених и его друзья следуют затем сейчас же за священником, который иногда успевает уже настолько напиться, что приходится с обеих сторон его поддерживать, чтобы он не упал с лошади, а иной раз поддерживать и в самой церкви при церемонии венчания» (стр. 479).

Таким образом детали в изображении пьющего духовенства у автора «службы кабаку» вполне совпадают с историческими свидетельствами. К этому вопросу мы вернемся еще ниже, выясняя, кто же был этот автор.

Не щадя пьяницу, которого автор называет — «малоумны рабе, непослушливый, делатель бесованию, высокоумный, буявый, непокоривый, мерский смутотворец», — все же всю силу своего негодования он обрушивает на кабака. Обилие эпитетов, которыми он наделяет это учреждение, изумительно. Среди них есть и старые привычные эпитеты, подчеркивающие греховность пьянства, — «греху учитель, душевному дому разорение, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, дьяволу спутниче, душам губителю», — но их сравнительно мало: они тонут в перепевах одного основного мотива — кабака «людем обнажение велие»: песнопения пестрят этими эпитетами. Кабак «несытый, несытая утроба, от всего добра отводитель, домовная пустота, неблагоприятная нищета, неистоцимая нищета, нищета пребедная всем, нищета сказуемая, дому разоритель, богатства истощитель, нагота и босота, голое сиротство, сокровище некрадомое нашему имению,

мирским людям обнищание и одолжение и всего добра лишение, чистота и лупитель паницам, маломожное житие, имению истощитель». Кабацкие пороки также нашли себе отражение в этих эпитетах. Кабак — «злодеем пристанище, воровству наставниче, грабежю наставниче, приезжим гостем досада великая, неправедны, пронырливы, скаредным рукам грязные, костем ломание». Нравственное воздействие кабака на пьяницу выразилось в ярких образах: «гневу водворитель, человеконенавистниче, злый учителю, злыдням наставниче, бесованию наставниче, самовольное бесование, злосмердение и злоневерие, священником омрачение, иноком посмех, простым людям нечестная смерть, пьяным тма и омрачение, погибелны, премудрая суета, мнишескому чину поругание велие, злословны, неподобны, непотребны, неблагодарны, людский губителю». Даже состояние пьяницы с похмелья вошло в эпитеты кабака: «с похмелья великая стонота, очам отемнение, уму омрачение, рукам трясание». Кабак делает пьяницу одиноким — «ближним моим разлучитель».

В этих ярких и разнообразных эпитетах, присвоенных кабаку, сказана вся народная ненависть к нему, или точнее к его устроителям, не обращавшим внимания на просьбы челобитных «свести кабаки», и к целовальникам, грабившим там народ, чтобы заслужить царскую милость, собравши прибыли «против прошлых лег», и, добавим, не обижавшим часто и себя. В них видна картина полного разорения «питуха», которого, по приказу начальства, целовальник старался «не отводить от кабака», который, как мы знаем из документов, «пил безобразно» и «не по животом и промыслу», оставляя на кабаке и платье, и домашнюю рухлядь, а потом шел на правож платить и за выпитое, и за неправильно насчитанное усердным целовальником, радевшим о царских доходах. Это тип, все черты для характеристики которого дала автору тогдашняя жизнь.

VI

Выяснив идеологическую установку автора, мы вправе поставить вопрос: кто в половине XVII в. мог дать такое резко-отрицательное изображение государственного учреждения, каким в ту пору был кабак? Правящие классы в это время были слишком заинтересованы в росте «питейной прибыли», необходимой и для обнищавшей казны и для их собственного кармана, которому жалованный кабак приносил верный доход, чтобы они могли поднять голос в защиту «питуха», оставлявшего в кабаке не только имущество, но иногда и личную свободу. Эти классы упорно боролись с царским правительством за свою привилегию, и никакие распоряжения

последнего о переходе всех кабаков в казну, об отмене откупов до XVIII в. не выполнялись: и бояре, и дворяне, и высшее духовенство продолжали держать кабаки, давая их на откуп своим людям. Сами они, как мы знаем по отзывам иностранцев, пили много, но пили главным образом дома и в гостях, сохраняя право держать дома вино постоянно. Не в этой среде, конечно, следует искать автора «службы кабаку»: он, как мы видели, рисует именно кабацкое пьянство с теми деталями кабацкого быта, которые сложились после запрещения широким слоям населения свободного курения вина. Крестьяне, посадские люди, мелкое служилое сословие, младшее духовенство — словом податные сословия — вот постоянные посетители того кабака, который рисует наш автор. Мы обратили выше внимание читателя на то, с каким особенным вниманием и знанием дела он изображает пьянство духовенства: в кабак несут «поп и дьякон — скуфы и шапки, однорядки и служебники; черницы — манаты, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейные; дьячки — книги и переводы и чернилы и всякое платье и бумажники.... пономари — воск и свечи....»; идут в ход «сорокоустные деньги»; пьяные попы «помышляют, коего бы мертвеца с зубов одрать», как бы «у мужиков во братчинах напиться», и наконец — «от попаден жюрбы» убежать. Все это такие подробности, которые наводят на мысль, не из низшего ли духовенства вышел автор «службы кабаку». Он, несомненно, видел близко «священником помрачение, иноком посмех и поругание», происходящие на кабаке. В его осуждении слышен голос сочувствия, а не назидания издали, свысока. Может быть, он и сам был из этих жалких «питухов», во славу казны и целовальника доходивших на кабаке до «великой стоноты». Но вряд ли он был из мирян — против этого говорит та форма, какую он выбрал для своего памфлета. Анализом ее мы и займемся, прежде чем решить окончательно вопрос, кто же был наш автор.

«Служба кабаку», пародирующая церковную службу, обнаруживает в авторе человека, с одной стороны, с незаурядным умением овладеть литературной формой, с другой, — с основательным знанием того материала, который он использовал в качестве своего оригинала. Дать пародию на отдельную, хорошо знакомую в ту пору каждому грамотному человеку молитву было нетрудно. Обученный чтению по Часослову, усердно посещающий церковные службы и домашние моления, всякий «книжный» человек в Московской Руси в XVII в. мог справиться с несложной задачей — облечь в церковную форму какой-либо житейский сюжет. Но выдержать конструкцию целой службы, уловить стиль отдельных типов

церковных песнопений, их последовательность, и наконец четко повторить форму не только повседневных, но и редко употребляющихся в службе молитв — мог не всякий: профессиональные навыки отчетливо выступают у автора «Праздника кабацких ярыжек». Он владеет церковной службой вполне, он не спутает ирмос с кондаком, тропарем или величанием, правильно поместит в должной последовательности паримийные чтения, не забудет предварить, где полагается, каждую песнь «стихом», «запевом» или «славой», различает гласы, — словом поступает в данном случае не как дилеттант, а именно как профессионал, основательно изучивший церковную службу. Он хорошо понимает и чувствует церковный язык, улавливает не только отдельные обороты его, которые затем перелицовывает для своей цели, но и ритм церковных песнопений, их звуковую окраску. Заметно, что церковный оригинал находится у него прочно именно в слуховой памяти, и он часто пародирует не смысл, а звуковой рисунок. Остановимся подробнее на характеристике техники автора «службы кабаку», чтобы, наряду с его идеологией, отчетливо выступила и его литературная физиономия: это значительно облегчит нам решение вопроса, какая среда выдвинула подобного писателя.

На протяжении всего текста церковная служба дает автору постоянно как бы толчок, отправной пункт, от которого он затем начинает свободно развивать свою тему. Поэтому дословных совпадений чаще всего следует искать в начальных строках или словах песнопений, запевов и проч. По этим первым словам обычно сразу узнается оригинал.

Приведу примеры:

1. Заглавия отдельных частей службы явно напоминают соответствующие места в богослужебных сборниках:

«Месяца китовраса в нелепый день иже в неподобных » ср. — «Месяца маяя в 8 день иже во святых » (Миняя сл., май); «На малей вечерни поблаговестим в малые чарки таже позвоним в полведришки пивийшка » ср. — « . . . и изшед благовестит в колокол, таже звонят во вся колоколы три звона » (вечерня, Часослов); «и отпуст безо всего платья по обычаю ж и многое колпаком и ронянию шапкам пред обедом » ср. — «и отпуст по обычаю » «по отпущении же идут в трапезу вечеряти и творим метание » (Час., Мин.); «По сем псалом избранной. Терпя потерпех на кабаке живучи » ср. — «Псалом избранной. Терпя потерпех господа.» (Мин.); «Канон по накрам по краегранесию» ср. — «Канон преподобному ему же краегранесие сичево» (Мин.).

2. Стихи и запевы:

«Да уповаает пропойца на корчме испити лохом» ср. — «Да уповаает Израиль на господа» (Час.); «И той избавить тя до нага от всего платья твоего пропитаго на кабаке с увечьем» ср. — «И той избавит Израйля от всех беззаконий его» (Октоих); «Пьяница яко теля наго процвете убожеством» ср. — «Праведник яко финик процветет» (Мин.); «Многи скорби с похмелья живучи бывают» ср. — «Многи скорби праведным и от всех их избавит их господь» (Мин.); «Изведи из непотребного пьянства душу мою» ср. — «Изведи из темницы душу мою» (Час.).

3. Песнопения, где использованы лишь начальные слова оригинала, дальнейшее же развивается независимо от него:

«Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда егда во многия дни се твориша, питием омрачаху свои сущии разум» ср. — «Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Июда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся» (Час.); «В терпении своем стяжал еси мзду свою, почесть трудов своих приема, скорби, соломянным венцем» ср. — «В терпении твоём стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах» (Час.); «Воду прошед, болото перебрел, из двора вышел, от жены злой жюрбы убежал» ср. — «Воду прошед яко по суху, из египетска зла избежав» (Час.); «Собранное мною богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси» ср. — «Богатство свое расточил еси убогим и небесное богатство» (Час.); «С похмелья встав дуростию и шаловством держим» ср. — «От сна встав, всесвятая Троице» (Час.); «Кто может изрещи бесование твое, кабаке веселыи» ср. — «Кто изрещи может подвиги твоя, отче» (Трефологий); «Очистил мя еси, кабаке, до нага, много было имения» ср. — «Очистил мя еси, спасе, многа бо беззакония моя» (Треф.).

4. Песнопения, повторяющие общую конструкцию оригинала, но словесно значительно отличающиеся и большие по объему:

«Хвалите имя пропойцино, аллилуя. Хвалите ярыжные его и стоящег пред ним, трубите ему во всю пору, . . . исповедаетесь ему ласткою и приветкою . . . яко в век обычай пьяных» ср. — «Хвалите имя господне аллилуиа. Хвалите раби господа . . . исповедаетесь господави, яко благ, яко в век милость его» (Треф.); «Что ти принесем, веселая корчмо, кажды человек различныя дары тебе приносят . . . поп и дьякон скуфы . . . чернцы манатьи» ср. — «Что ти принесем, Христе . . . каяждо бо тобою бывших тварей благодарение ти приносит, аггели певие,

небеса звезду . . . » (Треф.); «Избранному кабаку безумныя песни при-несем, вкупе пьюще . . . но яко имея к нагоде дерзновение . . . да вси, кабаке неблагоприятне, зовем тебе: бесованию наставниче, радуйся, глупости великий учителю» ср. — «Взбранному и дивному и чудотворцу . . . плетуще песнь . . . но яко имея дерзновение ко господу . . . да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему» (Час.); «Что ты наречем, кабаке, река ли еси быстрая . . . моли с голянскими своими о недостатках наших». ср. — «Что ты именуем (наречем), апостоле, реку ли . . . моли о спасении душ наших» (Мин.).

5. Но, наряду с таким свободным варированием церковной темы, мы часто встречаем песнопения, где автор все время идет параллельно со своим образцом, как бы зацепляясь за отдельные слова его, и лишь промежутки заполняет собственным содержанием:

«Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напиться нам, лягу спать, благ еси нам хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на нас, яко же уповахом пьюще на тя» ср. — «Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси . . . и хвално и прославлено имя твое во веки аминь. Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя» (Час.); «Ныне отпускаеши с печи мене раба своего еще на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте их, светло тамо открыти окна и двери приходящим людям» ср. — «Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей. Свет во откровение языком и славу людий твоих Израиля» (Час.); «Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас голянских» ср. — «Святый боже, свягы крепкии, святыйи безсмертныи, помилуй нас» (Час.); «Слава отцу и матере их и сыну . . . и ныне с вами и во веки аминь» ср. — «Слава отцу и сыну и святому духу ныне и присно и во веки веком» (Час.); «Отче наш, иже еси седиш ныне дома, да славитца имя твое нами, да прииди ныне и ты к нам, да будет воля твоя, яко на дому, тако и на кабаке на пече. Хлеб наш будет, дай же тебя, господи, и сего дни и оставите должники долги наша, яко же и мы оставляем животы своя на кабаке, и не ведите нас на правез, нечего нам дати, но избавите нас от тюрьмы» ср. — «Отче наш иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси, и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оста-

вляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (Час.); «Величаем тя, кабаچه веселыи, и чтем дурость твою и со глупостию, ты бо купиш собины наша и велиш нам по миру скитатися» ср. — «Величаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего» (Мин.); «Ты еси, кабаچه, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма и омрачение, и пьющи даруют стоя на тебе» ср. — «Ты еси, утверждение притекающим ти, господи, ты же свет омраченным, и поет тя дух мой» (Мин.); «Песнь 5 тормос. В бездне кабацкой одержим похмельями неизбытныя пропасти твоя, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел» ср. — «Песнь 6 ирмос. В бездне греховней одержим, неиследную милосердия твоего призываю бездну, от тли, боже, мя возведи» (Треф.); «Песнь 9 тормос. Ты ми, кабаچه, злыи учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одратися, несытством своим все приобрел еси, тем з гольянскими вопию ти: слава дурости твоеи, человеконенавистниче» ср. — «Песнь 4 ирмос. Ты ми, Христе, господь, ты же и сила ми, ты ми бог, ты ми радованье, не оставь недра отча . . . тем с пророком Аввакумом зову: силе твоеи слава, человеколюбче» (Треф.); «На хвалу на кабак потекл еси малоумне человеचे, и тои тя прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси» ср. — «На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни и той ты прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему моли спасти души наша» (Треф.).

Нельзя не заметить, что особенно точно и в звуковом отношении близко автор все же пародирует наиболее часто употребляемые песнопения, такие, которые не только он сам, но и читатели его знали наизусть. В этих примерах его мастерство доходит иногда до того, что при быстром и невнятном произношении создается полная иллюзия, будто слышатся церковные молитвы. Таковы, напр. «свяже хмель», «слава отцу» и др. — в них ритм выдержан вполне.

Но не только в отдельных частях службы автор сохраняет церковную манеру: расположение групп песнопений также следует порядку вечерней службы. Конечно, мы не найдем одной службы, которая была бы целиком использована им: по самому сюжету — праздник задуман им в честь новых мучеников, на кабаке пострадавших, — естественно чаще всего он вспоминает молитвословия в честь преподобных и мучеников, но мы встречаем у него пародии на песнопения и из других служб до страстной недели

включительно. Даже паримийные чтения выбраны им не случайно: это как раз те три паремии, которые в том же порядке читаются в службе преподобному. Самое обилие эпитетов, которыми он наделяет кабака и пьяницу, подробное описание подвигов последнего — все это соответствует церковному прославлению святого, его родины и места его подвигов.

Параллель пьяница — мученик завершается житием, мастерски пародирующим форму жития. Трудями ряда ученых (Ключевский, Безобразов, Лопарев, Шестаков и др.) давно уже установлен тот шаблон, по которому обычно составлялось житие святого: его происхождение от благочестивых родителей, ранние подвиги, послушание, раздача бедным имущества, мученические подвиги в бедности — вот канва, которую можно найти в массе житий. Эту канву, несомненно, улавливали и внимательные читатели, привыкшие к определенному порядку изложения подвигов преподобных и к мотивировке этих подвигов. Следуя этому шаблону, и наш автор после традиционной начальной фразы проложных житий — «Сии убо родишася...» говорит о родителях пьяницы, о раннем непослушании его, о том, что пьяницы «разтрочиша имение не бога ради», об их мучениях в кабаке и злой смерти. Сообразно с общим тоном изложения, житие пьяницы насыщено славянизмами в языке, риторическими оборотами, которые показывают, что у автора, начавшего с подражания кратким проложным житиям, в памяти вставали и жития пространные, с похвалами святым, с теми украшениями, которыми так богата московская агиография XV — XVI вв. Мы не можем, конечно, указать точно, каким именно из этих житий автор подражает: он, как отмечено, повторяет лишь их общую манеру, отстоявшийся шаблон.

Этим житием, резюмирующим отдельные черты быта пьяницы, разбросанные в песнопениях, заканчивается та основная часть, которая и носила название «службы кабаку». Вся она, как мы видели, выдержана в одном стиле пародии; с начала до конца она обнаруживает у автора отчетливое знание церковного оригинала. Но, вчитываясь в ее язык, мы видим, что в нем соединяются и при том неравномерно, две стихии.

С одной стороны, книжная, славянская, идущая от оригинала, который пародируется, подсказывает автору всю терминологию — стихи, стихирь, гласы, запевы, прокимен, паремьи, лития, тропарь, псалом, канон и др.; она диктует морфологические славянизмы в виде остатков аориста — погыбе, утвердися, лишихся, сложных форм прошедшего времени — очистился еси, купил еси и проч.; звательных падежей типа — кабаке непотребне, учителю, истожителю; местных падежей со старым смягчением — в тузе, человеце,

в велицей; местоимения — мя, ты, ти, неполногласные формы — мраз, глад, клада, чрево и др. Таких фонетических и морфологических славянизмов мы найдем довольно много, по преимуществу в начальных строках песнопений, особенно близких к церковному оригиналу, в паримийных чтениях и в житии. В лексике славянская струя выражена слабее, если не считать приведенных выше терминов; слова вроде — благонароचितии, ликовствуют, отрываются, паче, яко, вскую, семо и овамо — встречаются не часто.

Гораздо ярче в языке «службы кабаку» обнаруживается народная живая речь. У автора наблюдается склонность к оборотам, имеющим форму поговорок, иногда даже рифмованных; таковы его выражения — «хлеб, господине, по силам, а полога по плечам». «Не часто тое вологу кушают, да часто отрыгается». «Подавайся по рукам, ино легче волосам». «Каково кликну в лес, тако и откликнется». «Как видят у нас, так и любят нас». «Без воды на суше тонет». «Был со всем, а стал ни с чем». «Гледение лихое пуще прошения бывает». «Каеты много, а воротить нельзя». «Тебе нелюбо, да мне за честь». «Глухой клубук на себя наложим». «Под лесом видят, а под носом не слышат». «Когда сором, ты закройся перстом». «Было да сплыло». «Жити весело, а ести нечего». «Родила вас мама, да не приняла вас яма». «Живете, что грязь месите». «Люди в рот, а ты глот». «Кропива кто ее ни возмет, тот руки ожжет».

Часть этих оборотов мы находим в сборниках пословиц и поговорок конца XVII в., например, — «Был со всем, да стал ни с чем» (см. П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. 1, СПб., 1899, стр. 83). «Жить весело да есть нечево» (101), «Как в лес кликнеш, так и откликнется» (112, 179, 214), «Лихое гяденье пуще доброва прошенья» (118, 184), «Родила мама, а не озинула яма» (138), «Под лесом видишь, а под носом не слышиш» (193). Другие выражения держатся той же манеры, вплоть до господствующей и в старинных поговорках рифмы.

Рифмованная речь вообще слышится в «службе кабаку» нередко: «Дом потешен, голодом изнаवेशан, робята пицат, ести хотят, а мы, право, божимся, что и сами не етчи ложимся», «с конца бо горят, а с другова говорят», «в кою пору у нас пили, тогда и хвалили... «а ныне в руках не видят, и они нас же осмевают и дураками называют», «взявши кошел да под окны пошел, Христа помянул, а собак подразнил», «как обнажился, так и всяк отлучился» и т. д.

Чрезвычайно реалистические картины пьянства создаются у автора именно с помощью живого образного языка, в котором книжные элементы

поглощаются той бытовой речью, какой говорили и изображаемые им лица. Нельзя не заметить, что есть у него излюбленные обороты, повторяющиеся на протяжении текста не раз: это как бы постоянные формулы, подчеркивающие ту или иную сторону в характеристике пьяницы или в изображении его судьбы.

Пьяница пропивается до нага, и автор постоянно напоминает об этом, сгущая впечатление частыми вариантами слова «наг»: «до нага пропитися, наг объявляешся, очистил мя до нага, нагому пред всеми людьми ходити, видя нагих пред собою, прибрел наг и бос, обнажен до нага, весь обнажися, приходящих к тебе обнажаеши, людем обнажение велие, телеса же своя наготою одеяша, наготы ради покинулся воровати, наготу кабацкую понесл еси на полати, кто наготе не удивитя, имея к наготе дерзновение, ты ми нагота и босота, наготы ярем до конца носити, спаси боже наготою с пропою люди своя...».

Пьянице нечего есть, и автор повторяет эту мысль в таких выражениях: «как проспится, перекусить нечего», «а проспимся хватимся, в руке тоще, а в другой ничево», «а как проспится, лакомого хватится, ажно и хлеба нет»... Ему нечем опохмелиться, и читатель не может забыть об этом, встречая на каждом шагу напоминания: «зевается с похмелья, изпитися хошет, взять негде», «с похмелья встав, скорбию одержим, молюся знаемым и ближним моим, дабы мя опохмелили», «от похмельныя болезни каявся», «даи же ми с похмелья оправитися», «призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил», «с похмелья видети не могу», «валяюся с похмелья», «жадает ми душа пити, а взять негде», «опохмелитя нечем», «со похмелья кручиною увязется», «с похмелья встав, пить хочется, а взять негде», «с похмелья великая стонота».

В пьяном виде пьяницу обокрали — «вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничево не сыскал», «хватился за мошну, мошны не сыскал», «в мошне было денег алтын с десять, то все вычистили».

Теперь ему или на сторону игги — «с соруому чужую сторону познавает», «чужая сторона от тебе неволею познавается», «чужую сторону с позором познавахом», «от срама толко чужая сторона спознати», — или с кабацкими ярыжками у кабака остаться — «голым... сажу с полатей мести», «на полатях в саже поваялялся», «садися с нами на печь голым... сажу мести», «поедем с полатей оголи... на печь», «сажу и руду на полатех претерпел», «сажу уготовался терти», «мзда ваша многа на полатях в саже», «и отпуст на полати спати», «по запечью с ярыжными валятися».

Эта склонность к постоянным формулам напоминает у нашего автора приемы народного творчества с его традиционной поэтикой, частыми повторениями. К ней же примыкает и отмеченная выше любовь его к поговоркам, к ритмической речи.

VII

Кто же мог соединить резкое осуждение кабака и целовальника, т. е. государственной организации пьянства, сочувствие к пьянице, тонкое знание кабацкого быта и его постоянных посетителей — с таким основательным знанием церковно-богослужебной литературы? Кто мог, отдавши дань традиционным элементам тогдашнего книжного языка, внести такую сильную струю живой народной речи? При отсутствии в 60-х годах XVII в. в Москве правильной духовной школы, такое знание богослужебных книг следует искать в среде, где оно было связано с профессией, т. е. в церковном причте.

Но мы знаем, что духовную среду в древней Руси нельзя рассматривать, как одно целое: высшее и низшее духовенство с самого начала христианства у нас представляли два разных класса. Высшее духовенство до XV в. было вполне феодальной организацией, ничем не отличавшейся по существу от светских феодальных установлений, идеологически примыкало к ним полностью. К XVI в. с ростом московской централизации и церковью, т. е. высшая церковная иерархия становится московско-дворянской. Но и в ту и в другую эпоху низшее духовенство по своему социальному положению было на стороне податных или тяглых сословий, не имело никаких привилегий, которыми в изобилии владело высшее духовенство, но зато несло тяжесть двойных налогов — и от светской и от своей церковной власти. Неудивительно поэтому, что уже с XIV в. нам известны случаи, когда низшее духовенство объединялось с мирянами для борьбы сначала с феодальной, потом с дворянской властью. Социальные моменты несомненно существовали в тех движениях, которые долгое время рассматривались, как исключительно религиозные: начиная с стригольников и кончая так наз. раскольниками, русские «еретики» всегда соединяли борьбу с церковными догматами с протестом против церковной, а следовательно и поддерживающей ее светской власти. Таким образом оппозиционные настроения в младшем духовенстве появились в XVII в. не внезапно: они росли долго на почве его социального положения. К половине XVII в. положение приходского духовенства, этих, по выражению того времени, «тяглых попов», значительно ухудшилось. «Сельский и городской клир лишился той защиты,

какую он раньше мог находить у своих светских господ, бояр и братчинских организаций; боярство и самостоятельные городские миры были разгромлены, и между попом и епископом не было больше светских посредников. Законодательство XVII в... запретило прежние свободные выборы попов и дьяконов из крестьян и даже холопов..., запретило свободный переход из одного прихода в другой без разрешения архиерея..., отбирались у церковных причтов земли, запрещалось попам торговать и заниматься ремеслами, вводилась архиереями такса за требы. Ограничивая доходы подчиненного клира, архиерей не только не уменьшали своих требований, напротив, увеличивали их, стремясь наверстать ущерб от потери судебных пошлин и уменьшения вотчинных доходов; при этом архиерейские аппетиты не сдерживались более той силой, какую представляли из себя прежние свободные крестьянские миры и исчезнувшие городские общины, превращенные теперь в податное орудие Московского государства. Сместить попа при помощи помещика или воеводы ничего не стоило; и с приходским духовенством перестали церемониться. Пошлины за поставление и архиерейский оброк возрасли до огромных размеров; архиерейские сборщички, следуя директиве своих господ, «все подати собирать без недобору», «с большим поспешением днем и ночью», «а на ослушников правити без всякия пощады», действовали чисто грабительским образом — «всякие окладные и неокладные доходы собирали с прибавкою, не против того, как дань накладывается», не считая «корысти» воевод и прочих агентов светской власти. «Правеж», который предписывался архиерейскими приказами, был самый жестокий: недоимщиков бросали в тюрьмы, заковывали в кандалы, нещадно били; патриаршие стрельцы устраивали даже вооруженные облавы на неаккуратных попов среди бела дня и иногда на самых людных улицах и площадях. Этот тяжелый кризис не мог не вызывать оппозиции среди приходского духовенства. Тяжелее всех было сельскому духовенству и его протест был наиболее радикален и решителен... Не отличаясь ничем по хозяйственному положению от крестьян, принужденные одновременно и наряду с пахатными мужиками браться за соху и за косу, сельские попы прониклись ненавистью и негодованием по отношению к князьям церкви и проявляли свое недружелюбие еще до начала раскола в весьма осязательной форме — вместе с прихожанами попы били и увечили архиерейских десятников, не хотели судиться у архиереев и «презирали» архиерейское благословение... Учреждение патриаршества только усилило смуту и недовольство. Для провинциального духовенства оно создало новое тягло, но, по словам одной челобитной сельского духовенства этого времени,

в возмещение этого тягла патриаршество не может и не хочет защитить его от все возрастающего своеволия и произвола «дворян и людей боярских». «Попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают»... Оппозиция против архиереев соединялась с оппозицией против дворян и бояр; сельское духовенство было тут солидарно с крестьянством не только в настроениях, но и в тактике: ...эта оппозиция иногда перерастала в прямое неповиновение начальству и даже бунт» (Никольский. История русской церкви, стр. 95—97). Среди городского духовенства оппозиция вылилась в другие, менее резкие формы, так как при бедном малочисленном посадском населении им не на кого было опереться. Здесь борьба идет путем обличения пороков всех христиан, начиная от епископа и кончая прихожанином. Такова была в половине XVII в. позиция протопопа Стефана Вонифатьева и его сторонников.

Все эти факты говорят о том, что критика существующих порядков в половине XVII в. не только не миновала духовное сословие, но наоборот чрезвычайно резко обнаружилась в той его части, которая от этих порядков сама сильно страдала. Как мы видели, эта критика по ходу вещей не могла ограничиться лишь осуждением своей церковной власти и ее распоряжений: дворяне и люди боярские были не менее ненавистны младшему духовенству, чем своя архиерейская власть. С другой стороны, падение правов одинаково обличалось и среди светских и среди духовных сословий, пороки тех и других уже были признаны, и следы этих обличений находим в литературных памятниках, авторами которых были несомненно представители младшего духовенства.

На этом фоне делается вполне возможным появление протеста против «царева кабака» в среде того же младшего духовенства. Ведь в вопросе о «хмельном питии» его интересы так же резко расходились с интересами высшего духовенства, как и в других экономических и правовых вопросах.

Одним кабаком был выгоден как доходная привилегия, других он разорял; одни и дома могли в любой момент доставить себе удовольствие выпить по желанию, другие обязаны были для этого идти в кабак, где так легко было «сотворить с плеч возношение платью» и «не мотчи ся удержати пропити». Младшее духовенство, идеологически, как мы видели выше, оставаясь на стороне той «тяглой» массы, которая пропивалась на кабаке, продолжая говорить ее языком, в то же время по профессии знало и книжный язык и богослужебную книгу. Есть основание думать, что именно из него и вышел автор «службы кабаку», особенно резко осудивший среди

других пьяниц свою церковную братью. Это осуждение было как раз в духе того времени, когда по почину Стефана Вонифатьева и его кружка, был поднят вопрос об оздоровлении духовенства, которое в его тогдашнем состоянии не могло и паству свою направлять на путь истинный. Вторая половина XVII в. дала и другой образец сатиры на пьянство монастырское, вышедший из монастырских стен — имеем в виду Калязинскую челобитную.

Выбор нашим автором пародийной формы не был случайным. Эта разновидность сатиры в московской литературе второй половины XVII в. появилась в связи с тем брожением, которое, выдвигая на сцену новые слои населения, обнаруживалось в разных видах критики старых порядков. Оттого-то и «служба кабаку» — эта старшая из известных нам московских пародий — представляет собой типичный образец политической пародии, осмеивающей общественно-политические и бытовые явления непосредственно, а не через направленность на литературный стиль.¹ Действительно, трудно подходить к «службе кабаку», как к литературной пародии. Цель ее автора, конечно, не осмеяние церковного языка вообще или формы церковной службы в частности. Изображение пьяницы теми стилистическими приемами, которые приняты для прославления мученика за веру, — это лишь прием, особенно резко подчеркивающий те стороны пьянства, которые автор осуждает. Выбор контрастирующего приема в данном произведении не случаен. Как «искусство второго отражения», пародия доходит до сознания читателя только в том случае, если пародируемый объект ему хорошо знаком. Для XVII в. форма церковной литературы была именно таким классическим образцом. И грамотный и неграмотный читатель и слушатель в силу всего бытового уклада древней Руси ощущал церковный язык, как привычный. Оттуда он черпал изобразительные приемы, когда брался за перо, ее формулами уснащал свою речь, цитатами из нее привык аргументировать. Поэтому новое применение этого привычного языкового материала должно было, несомненно, произвести надлежащее впечатление. В данном случае избранная автором параллель — мученик за веру, отдающий богатство бедным, и пьяница, нищающий в кабаке, — была очень выразительна и открывала широкую возможность к ее углублению и развитию.

Кажущееся несоответствие между избранным нашим автором способом применения церковной литературы и его духовным званием не должно нас удивлять. Еще с средних веков в Европе нарождается масса латинских церковных пародий, и все они идут из духовной среды, преимуще-

¹ Е. Гальперина. Печать и революция, 1929, кн. 12, стр. 21.

ственно из монастырей. С зарождением духовной школы и у нас церковные пародии стали появляться в изобилии: фамильярное обращение с предметами церковного обихода всегда шло рука об-руку с церковной профессией. Не забудем, что наряду с формальным благочестием, очень характерным для древней Руси и приписывавшим главную силу в религии ее обрядовой стороне, оппозиционно настроенная часть и духовенства и мирян часто доходила до крайних выводов именно в своем отрицании необходимости и важности обрядовой внешней стороны религии. В этой-то части и могла зародиться идея такого вольного обращения с церковным текстом, какое мы видим у автора «службы кабаку», человека, несомненно, как мы видели, настроенного оппозиционно и радикально.

VIII

Остается на очереди вопрос — где появился «праздник кабацких ярыжек». Описывая один из текстов памятника, А. Викторов (Описание рукописей И. Д. Беляева, М., 1881, стр. 35) отмечает, что «в одном стихе есть указание на местность, в которой получила происхождение эта сатира», и цитирует «стихиру пустошную»: «Иже прежде зовема и в древняя наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуйся, кабаке, отемнение Вычеготскому Усолию, а ныне не токмо ты Усолие почитает, но и в дальних языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе и на Лале и в протчих волостях сердечное въздыхание и в перси биение».

Хотя этой стихиры нет в старшем списке (II), но мы уже указали, что он вообще сильно испорчен, и часть листов в нем, несомненно, потеряна, поэтому такой пропуск не дает оснований считать эту песнь поздним добавлением. В ней дана вполне точная географическая номенклатура, с которой совпадает и запись на старшем списке. Прилуцкий монастырь, откуда идет старший список, находится на Северной Двине, как раз в центре между бассейнами трех упомянутых рек — Вычегды, Лалы и Виледи, недалеко от Сольвычегодска. Не случайно, очевидно, старший список сохранился именно в этом монастыре, находящемся в том районе, где, видимо, возник и самый памятник.

Какова же была историческая обстановка в Сольвычегодском краю в половине XVII в., и могла ли она способствовать появлению именно там резкой сатиры на кабака? Первые сведения о кабаках в этой местности начинаются с 1579 г., когда было приказано «в Усольи на посаде держати наместнику кабака, а на кабаке вино, мед и пиво» (Прыжов, стр. 44). С тех

пор кабаки расцветали на Усолии, и по официальным данным в 1677 г. кабацкая прибыль с Сольвычегодска составляла 3662 р., т. е. при переводе на довоенный рубль — около 62000 рублей. Принимая во внимание небольшую плотность населения в то время, нельзя не считать эту цифру достаточно солидной и свидетельствующей о великом усердии голов и целовальников кабацких. О том же говорит несколько более поздняя цифра — количество вина, отпущенного в 1633 г. с московского отдаточного двора в Соликамск на Усольские кружечные дворы равнялось 10000 ведер (там же, стр. 120). Напомним, что сравнительно недалекая Вологда была во второй половине XVII в. центром, откуда вино шло на продажу на Холмогоры, в Архангельск, здесь же на ярмарке закупались предметы, необходимые для пивоварения — хмель, солод ячменный, мед-сырец и патока. (Попов, стр. 43). Таким образом, с точки зрения снабжения Усолие Вычегодское находилось в удобных условиях для процветания кабаков. Но были здесь и еще специальные обстоятельства, которые должны были способствовать и быстрому росту кабаков и столь же быстрому обнищанию народа с помощью этого полезного государственного учреждения.

Сольвычегодский край в течение XVI и XVII вв. постепенно перешел в руки предпринимателей, крупных капиталистов из рода Аники Строганова, которые, пользуясь всевозможными льготами от московского правительства, нуждавшегося в их помощи для устройства солеварен, постепенно стянули в своем владении путем скупки ряд промыслов, конкурировавших с ними, (см. об этом статью А. Введенского — «Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве». Сб. статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 90—113) и промысловые места у мелких держателей. Кроме соляного промысла, Строгановы держали в своих руках железодутный и кузнечный, ярмарочную торговлю по селам Поморья и посадам Московского государства, добычу пушнины и торговлю оптовую и розничную всеми товарами как своего производства, так и скупочного характера. До введения хлебной монополии Строгановы были одними из самых крупных скупщиков хлеба. Одновременно Строгановы собрали и громадный земельный фонд по всем соседним уездам, вдоль рек, пользуясь не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под залог имущества. Имея все средства для закабаления мелких владельцев, Строгановы не могли, конечно, пренебречь и таким легким способом для него, каким было испытанное в Московском государстве спаивание населения в кабаке под залог имущества. И когда автор «праздника кабацких ярыжек» говорит о широкой славе кабака, он перечисляет именно местности, находив-

шиеся под властью Строгановых. Не случайно цитированный выше стих упоминает и о «дальних языческих странах», которые слышат кабацкое «обнажение». О хищнической торговле Строганова пушшиной с инородцами сохранились даже воспоминания у голландца Витзена (Введенский, стр. 102). Хорошо известно, как до недавнего времени шла подобная торговля с полудикими северными и сибирскими инородцами: спаивание населения, которое за водку почти даром отдавало свой товар, практиковалось издавна; не миновали, конечно, такого способа и агенты Строгановых; недаром о них сохранилась такая печальная память.

Хозяйственная деятельность Строгановых, как видим, неизбежно должна была создать в этом крае чрезвычайно обостренные отношения между населением, последовательно пролетаризировавшимся в результате их экономической политики, и хозяевами с их обширным штатом чиновников-исполнителей, не забывавших, конечно, и собственных интересов. Обезземеленное, лишенное промыслов население разными способами попадало в кабалу к предпринимателям, и в числе этих способов не последнее место занимал, конечно, по обычаю того времени, и кабак.

Все эти данные делают вполне вероятным появление памфлета против пьянства именно в Сольвычегодском краю.¹ Здесь на севере, вдали от праявщей Москвы, смелее могла быть и критика государственного учреждения, каким в ту пору был кабак. В эпоху, когда для царской казны, не оправившейся еще от финансового кризиса, вызванного Смутным временем, кабаки были особенно нужны, автор «службы кабаку» прямолинейно и без оговорок высказал точку зрения противоположную государственной: для той кабак — один из главных источников дохода, откуда черпаются средства на самые разнообразные нужды вплоть до оплаты погребения (см. указ царя в 1615 г. взять на погребение умершей в Суздале царицы-старницы Александры из кабацких денег 50 р. — Прыжов, стр. 108), — для нашего автора кабак прежде всего — «людям обнажение велие». Противоречие интересов праявляющих и управляемых классов в вопросе о кабаке сказалось вполне отчетливо. Эта сатира-пародия прекрасно дополняет историю борьбы народа с кабаком, как мы ее знаем по документам XVII в.

¹ Собственные имена, встречающиеся в тексте «службы кабаку» известны по документам XVI—XVII вв. в северо-восточной России. Н. М. Тупиков (Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903) приводит следующие имена, параллельные нашему тексту: Т. Розинка — с. к. Розянка, Т. Кокора — с. к. Кокорка, Т. Трус — с. к. Трус. Т. Кур, Курия, Курец — с. к. Куреха, Т. Гомзяк — с. к. Гомзин, Т. Черной, Черный — с. к. Черный. Эпитет пьяницы «дурносоп» имеет интересную параллель в фамилии Дурносопов, отмеченной Тупиковым в 1551 г. у белозерца (стр. 540). Таким образом и эти данные не противоречат нашему предположению, что памятник возник на Севере.

IX

Итак мы выяснили, насколько позволил это сделать имеющийся материал, при каких социальных условиях могла возникнуть сатира на пьянство с идеологической установкой «службы кабаку». Что же можно сказать о социальной функции этого произведения? Как встретили его читатели, оказало ли оно воздействие и на них, и на последующую литературу? По свойству материала ответы на эти вопросы можно дать лишь более или менее предположительные.

Прежде всего — каково было распространение нашей сатиры? Мы уже указали, что сохранилась она всего в трех списках. Внешний вид их показывает, что они были очень зачитаны: стертые и полустертые строки и буквы, вырванные листы, списки, обнаруживающие потерянный оригинал, тоже уже достаточно испорченный — все это говорит за то, что до нас дошла лишь незначительная часть когда-то существовавших копий «службы кабаку», и что читалась она усердно. Это довольно обычное явление в древней Руси: именно много читавшиеся памятники в ней иногда сохранились в очень малом количестве списков. Ведь «служба кабаку» — это не была та священная книга, которую берегли: это было чтение не только назидательное, но и занимательное, и к такой книге не было привычного уважения. Не забудем и того, что по всем данным этот памятник возник в провинции, довольно глухой; нет ничего удивительного, если списки его, ходившие по рукам, так и оставались где-нибудь в глуши у частных владельцев, не дойдя до крупных книгохранилищ. По счастью, до нас все-таки дошло одно свидетельство о том, что «служба кабаку» действительно была хорошо знакомым произведением, и именно в той среде, какую в ней нарисовал автор.

Новое предисловие, прибавленное к тексту, повидимому в конце XVII в., содержит в себе прямые указания на популярность сатиры и даже говорит о том впечатлении, какое она производила на читателей и слушателей. Посетители кабака, по словам автора этого предисловия, за свое поведение «ни поведания какового чиновнаго быша достоини, не бо хочет кто от них слышати или разглагольствовати. . . про их скаредное житие». И вот «ни некто от обрстшихся писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть аллигореею их чином, сии ест глаголяи и иная изъявляя». Так характеризуется форма изложения, избранная автором «праздника». Этот праздник «им толико сотвори ненавистен, елико единого слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо

же они, но и елицы в доме (далее испорченное место «клитвостреи») живущих и сикор любящих, и сии такожде слышати ненавидят и яко нечистым духом одержими бесятся и не престанут от молвы, дондеже преминется сей праздник читати». Эти слова довольно образно рисуют нам чтение вслух «службы кабаку» в большой компании любигелей хмельного питья, которые, узнав самих себя в герое сатиры, поднимают шум, чтобы заглушить неприятное чтение. В этом изображении на первый план выступает впечатление от обличения самого пьянства, питуха, а не кабака, как виновника спаивания. Да и трудно было ожидать, чтобы масса сразу осознала этот социальный момент сатиры. Привыкшие издавна к разным литературным формам обличения пьянства, слушатели, конечно, и здесь сразу должны были воспринять этот хорошо знакомый им мотив — пьянство грех, который губит душу. Резко реалистическое изображение этого греха не могло быть лестно и приятно завсегдатаям кабака, оттого они и «бесятся, яко нечистым духом одержими». Слишком в упор бьет их автор, напоминая, до какого падения доводит их кабака. Не в этой безнадежно опустившейся среде надо искать тех, кто мог оценить и другую сторону сатиры — бичевание кабака, этой «несытой у гробы». Родственники и вообще близкие, «питухов», т. е. люди того же класса, кто подавал челобитные на усердных целовальников, отпускающих вино в долг «не по животу и промыслам», кто исчислял убытки от пропитого и заложенного имущества, кто просил о закрытии кабаков, — вот кто мог оценить и понять Кабацкий праздник не только как осуждение пьяницы, но и как крик целой системы спаивания.

Но предисловие заграживает и еще одну существенную сторону нашей сатиры. Мы уже ставили выше вопрос о том, как в условиях русской жизни XVII в. могла появиться пародия на церковную службу. Оказывается, новая непривычная форма действительно вызвала у некоторых читателей смущение. Были люди, которые сочли «увеселительное» применение церковной службы кощунством «и от сего совесть немощна сущи смущается». «Таковыи да не понуждается к читанию», продолжает автор предисловия, «но да оставит могущему и читати и ползоватися». Вот эти смущающиеся и понудили нового автора вступить за своего предшественника, оправдать его добрые намерения, сравнив его с врачом, употребляющим яд «в мерном разтворении»: «и по сему не ель порочно сие изложение кабацкого праздника», так заключается эта защита. Однако, помня об этих соблазняющихся, новый редактор счел полезным к «смехотворному образу» прибавить «выписки из божественного писания о тех

же пьяницах... да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости». Так создавалась вторая редакция «службы кабаку», новая рамка для него, значительно ослабившая прежний резкий тон его: самый текст при этом не потерпел изменений, но он несколько растворился в обширных добавочных статьях, которые возвращают нас к старой привычной точке зрения — пьянство прежде всего грех. Оттого и статьи эти использовали старый материал, иногда лишь переложивши его в новую согласную с модой того времени форму. Опять перед нами мелькают хорошо знакомые образы из переводных поучений против пьянства, из апокрифической, исторической и повествовательной литературы. Эта новая редакция — особый этап в развитии нашего памятника, создавшийся в другой среде, и подлежит поэтому специальному исследованию.

Заканчивая вопрос о воздействии «службы кабаку» на читателя, мы не можем миновать еще один момент. Как уже выше сказано, это была первая из дошедших до нас пародия в московской литературе XVII в. Нашла ли она себе продолжение? Несомненно.

В списках конца XVII и XVIII вв. бытовала повесть о попе Савве. Это история попа, который промышляет безжалостным обиранием ставленников, пропивает все, что они несут ему за поставление, и наконец попадает под суд. Резкая сатира на жадность духовенства заканчивается пародическим «смешным икосом безумного попа». Как и «служба кабаку», этот икос написан в форме церковного песнопения, в данном случае использована форма акафиста с его характерными единоначатиями. Для примера привожу образец из этой пародии (по списку Забелина 536, Моск. Историч. музея): «Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво, Радуйся в хлебе сидя, ставленнически сидне, Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла, Радуйся, глупый попенцо, (непостриженное гуменцо). Радуйся породны русак, по делам вонстинну дурак...» и т. д. И здесь, как в Службе, пародирование представляет не самоцель, а лишь прием для обличения общественного, а не литературного явления.

Пародии на разного рода формы церковной литературы в изобилии мы встречаем затем в XVIII в: самые разнообразные поводы порождали сатиру, и она часто облакалась в это время в хорошо знакомые формы церковной литературы.

На фоне этих литературных фактов особый интерес приобретает и «всецпьянейший собор» Петра Великого. Эта не была индивидуальная затея, не имевшая корней в прошлом: как мы видели, задолго до Петра

пьяницы оказались героями своеобразного церковного чествования, по типу мучеников и преподобных. Оставив в стороне политическое значение церемониала посвящения папы всепьянейшим собором, мы не можем не признать, что внешняя форма этого церемониала почти целиком пародирует православные церковные обряды посвящения. Но в этом случае мы уже не можем так резко отделить пародию на форму от ее общественного значения. Несомненно, известный элемент непосредственной насмешки над сложными церковными обрядами был в петровской затее: пародирование церковных возгласов и обрядов вряд ли было здесь только средством.

Традиция церковных пародий держалась долго и прочно. Не говоря о многочисленных анонимных пародиях, выходявших и в XIX в. из среды воспитанников духовных школ, и бывших зачастую уже настоящими образцами литературной пародии, без всякой общественно-сатирической окраски, мы встречаем в это время и обличительную политическую пародию, использующую старый прием. Вспомним Н. Щербину, который отдал дань и обычному в духовной школе пародированию витиеватой славяно-русской речи с библейскими цитатами в своих «аттестатах студиярусам семинарии» Апполинарию Тропаревскому и Викентию Курильскому (см. Полное собрание сочинений, 1873 г., стр. 279—285), и высмеял с помощью того же приема некоторых литераторов своего времени (Шевырев). Его «Хвалебная песнь блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (ср. Христа ради юродивые), как и «икос безумному попу Саве» XVII в., пародирует церковные акафисты: «Радуйся, Испании невидание, Радуйся, Испании описание, Радуйся живописи непонимание, Радуйся, живописи трактование, Радуйся, жандармов трепелание» (стр. 294) и т. д. Здесь опять, как в XVII в., цель — общественная сатира, а пародия лишь прием для ее оформления.

Так каждая эпоха в моменты усиления в литературе обличительной сатирической струи среди других приемов не минует и использования церковно-литературного материала. Даже в наше время, когда для большинства этот материал перестал быть той «классической» формой, какой он был в XVII—XVIII вв. почти для всех, а в XIX еще для многих, — мы иногда встречаем возврат к старому приему. Правда, теперь эти случаи имеют специфический оттенок. Остап Вишня в 1925 г. отвегил пародией, воспроизводящей технику церковной службы, на распоряжение Синода «отметить день Октябрьской годовщины торжественной службой в перквах». Вся литературная сущность его рассказа «Нате й мій глек на канусту, щоб і я була Химка» выступит только для такого читателя, кото-

рый знаком с церковной формой. Образец ектении, которым он предлагает начать эту торжественную службу, только тогда вызывает настоящий комический эффект, когда в памяти возникает и его церковный прототип, например, «Коллективом Господеві помолимоь» (ср. Миром господу помолимся) или «Елиці угодовні ізидіте, да ніхто бо угодовці, елико революціонери, паки и паки коллективом Господеві помолимоь» (ср. Елиця оглашенин изидите, да никто от оглашенных елиця вернии, паки и паки...) и т. д. (см. изд. Книгоспілка 1925). И другая пародия, далеко впрочем уступающая по своим литературным достоинствам рассказу О. Вишни, не случайно прибегла к церковному материалу для оформления сатиры. Имею в виду рассказ Исидора Гуревича «Жертвоприношение» (Красная веч. газ., 1926, 4 авг.). И здесь толчок к выбору формы был дан самим обличаемым фактом: в газете появилась заметка: «Беда в том, что во многих случаях процесс сокращения штатов превращается сейчас в приношение умиловительных жертв». Эти слова — «умиловительная жертва» — вызвали по ассоциации образы из церковной жизни, и в итоге появилась, правда технически слабая, пародия на церковную службу.

Как мы видели, литературную преемственность данного приема пародирования нам удалось проследить на протяжении почти трехсот лет. Но было бы неправильно совершенно обособлять развитие пародий на церковную форму от эволюции пародии вообще. Возвращаясь к материалу XVII в., в частности к «службе кабаку», мы, конечно, не можем ограничить круг аналогичных ему памятников церковными пародиями. С этого времени развиваются также пародии на самые разнообразные формы предшествующей литературы — азбуковники, лечебники, челобитные, описи приданного и др. Весь этот материал, рассыпанный по рукописным сборникам конца XVII и XVIII вв., еще подлежит изучению, и вместе с «службой кабаку» он нарисует нам современем любопытную картину начального периода развития русской пародии, по преимуществу общественно-политической.

Приложение I

В основу издания текста «службы кабаку» положен список Исторического музея № 3860 (П). Это сборник в 8-ку на 389 лл. (по старому счету 461, но часть, несомненно, как видно и из текста службы, утеряна); сборник писан русской скорописью и отчасти полууставом разных рук. Водяные знаки также разного времени и показывают, что сборник сплетен

из тетрадей различного времени: есть знаки 1630—40-х годов (кувшин, кисть винограда), но есть и голова шута, характерная для 70—80-х годов XVII в. Этот знак находим и на тех листах, где помещена «служба кабаку», занимающая лл. 346—387 и писанная двумя почерками второй половины XVII в. В оглавлении сборника, приведенном на лл. 2—6 об., после слова о Никите, старце Печерском, следует заглавие нашего памятника — «о службе кабаку». Внизу по лл. 347—362 помещена разобранная нами выше запись с датой списка.

Список «службы кабаку» не исправный: есть не только пропуски и искажения отдельных слов, но местами вырваны листы, либо перепутаны при переплете, когда соединялись в один сборник статьи разного времени. Там, где оказалось возможным, эти пропуски и искажения исправлены с помощью других списков службы, внесены в основной текст с соответствующими указаниями в вариантах. Все они в издании помечены скобками. Внесены в текст и те чтения, которые в более поздних списках службы сохранили большую близость к ее книжному оригиналу, так как допускать вторичную правку текста по этим оригиналам у нас нет оснований, напр. пародия на церковное «Свече тизий...» кончается в сп. II словами — «тем же ты мир хвалит», в обоих других списках — «... мир славит». Выбираем последнее чтение, так как в церковном оригинале читается «мир славит тя». Или — в сп. II читаем: «речение бо злое губит добрая», в двух поздних — «речение, ...», что соответствует оригиналу — паримийному чтению, где находим также «речение бо злое губит добрая». Такие примеры встречаются, впрочем, не часто, да и вообще количество вариантов сравнительно невелико, и ни о какой сознательной переделке старшего текста поздними переписчиками говорить не приходится. Мы имеем либо механические пропуски и ошибки, либо иногда, сообразно с общей стилистической манерой службы, замену книжных выражений народными, иногда даже введение рифмы. Напр. в старшем списке читаем: «Пьяница яко телпаго процвете убожеством», что соответствует церковному — «Праведник яко финик процветет». Вариант в списке И дает — «пьяница яко теля ваялетца». Или — в сп. II читаем — «каменьем бывает бьен» (л. 293) — ср. паримийное «от пращ каменных»; список И заменяет это более понятным и близким к быту — «биют батоги»... Варианты в большинстве случаев объединяют оба поздних списка, чем несколько облегчается установление пропусков и ошибок в списке II. Весь текст службы написан в одной стилистической манере, с одними и теми же излюбленными приемами и оборотами, поэтому нет оснований предполагать дополнение его

поздними переписчиками, и это дает нам право вставить в основной текст песнопения, отсутствующие в старшем тексте, но имеющиеся в двух других.

Второй по времени список службы кабаку находится в рукописи Историч. музея № 3859 (И) первой половины XVIII в. (водяной знак — герб города Амстердама); рукопись в 8-ку, на 57 лл., в начале и конце листов недостает; писана русской скорописью, местами полууставом разных рук, содержит только службу, но с дополнительными статьями о пьянстве, о которых см. ниже в Приложении II. Этот список и в расположении текста, и в вариантах почти полностью совпадает с третьей копией «службы кабаку» половины XVIII в. — б. Румянц. музея № 1565 (Р) (собрания И. Д. Беляева). Это сборник в 8-ку, на 63 лл., скорописи очень неразборчивой, местами почти стертой, особенно по углам внизу. «Служба кабаку» занимает в нем лл. 3 об. — 40 об. Впереди текста службы, хотя и без начала, помещено новое предисловие, а с л. 40 об. до 62 дополнительные статьи, о которых ниже в Приложении II. Оба последних списка, несомненно, списаны с одного оригинала, что обнаруживается наличием в них одних и тех же пропусков, перестановок, ошибок. Вообще варианты к сп. II почти всегда объединяют эти списки. Но и их оригинал далеко не исправен, и их чтения в свою очередь приходится исправлять с помощью старшего текста.

Таким образом наше издание дает текст, предположительно восстановленный на основе имеющегося материала. Но последний не дал возможности исправить все ошибочные чтения: смысл некоторых отдельных мест остается неразъясненным. Впрочем таких темных мест немного. В приводимом далее тексте более мелким шрифтом (корпусом) вставлены отрывки церковных песнопений, пародируемых нашим памятником.

* * *

(280) Месяца китовраса в нелепый день, иже в неподобных кабака шалпаго нареченнаго во иноческом чину Курехи и иже с ним страдавших¹ три еже высокоумных² самобратных по плоти³ хупавых⁴ Гомзиня, Омельяна⁵ и Алафии буявых губителей⁶ [христианских. Празднество в неподобных местех на кабаках, где, когда, кто с верою изволит праздновати трех слепителей вина и пива и меда христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцов].⁷

¹⁻² трех. Р ³⁻⁴ проп. Р. ⁵ так Р; П. Омельяса. ⁶ дужителей Р. ⁶⁻⁷ доб. Р. П. ость-янских.

На малей вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришки [пивышка],⁸ таже стихиры [в меншей заклад]⁹ в перстни и в но (об.) гавицы и в рукавицы и¹⁰ в ш[т]аны и¹¹ в портки.

и изшед благовестит в колокол; звонит во вся колоколы три звона (вечерня, Часослов).

Глас пустошнии¹² подобен вседневному обнажению.

Запев: Да уповаает пропоица на корчме испити¹³ лохом,¹⁰ а инос и своему достанетца.¹¹

Да уповаает Израиль на Господа. (Час.)

В три дня очистился еси¹⁰ до нага,¹¹ яко же есть писано: пьявицы царьствия божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человеце, на руке мешают, нога[вицы] (281) тяжело носить, портки [и ты их]¹⁴ на пиво меняеш; пьешь з басы, а проспишся с позоры, воротишь в густую, всякому [у себя]¹⁵ велишь пити, а на завтреи и самому будет просити, проспишся-хватишся.

В третий день воскресл еси, Христе, из гроба, яко же есть писано (Треф.)

Стих:¹⁶ И тои избавит тя¹⁷ до нага¹⁸ от всего платья [твоего прои-таго]¹⁹ на кабаке²⁰ с увечьем.²¹

И тои избавит Израйля от всех беззаконий его. (Окт.)

Три дня испил еси, безо всего [имения стал еси],²² доспе мя еся похмель-ныя²³ болезни и похмелья, на три дни купил еси, рукоделие [не продав]²⁴ за-ложил еси (об.) и около кабака часто ходити извыкл²⁵ еси, и гледети²⁶ прилежно²⁷ ис чужих рук извыкл²⁸ еси; гледение лихое пуше прошенья бывает.

Стих:²⁹ Хвалят³⁰ пропоицу, как у него в руках видят.³¹

Бубенная стукота³² созывает пьющих на шалное дуровство,³³ велит³⁴ нам нищеты³⁵ ярем³⁶ восприяти, глаголет винопицам: приидете, воз-веселимся, в мале сотворим с плечь³⁷ возношение платью (282) нашему, на вине пропивание, се бо нам [цвет приносятся]³⁸ наготы, а гладу время приближается.

Стих:³⁹ Яко утвердися на кабаке пьючи, голым гузном сажу с полатеи мести во веки.

⁸ так Р; П. неясно. ⁹ так Р, И; П неясно. ¹⁰⁻¹¹ проп. Р. ¹² произвольной Р, И. ¹³ испив Р, И. ¹⁴ доб. Р, И. ¹⁵ доб. Р, И. ¹⁶ запев. Р, И. ¹⁷⁻¹⁸ проп. Р, И. ¹⁹ так Р, И. П. пропил ²⁰⁻²¹ проп. Р, И., ²² доб. Р, И. ²²⁻²³ проп. Р, И. ²⁴ доб. Р, И. ²⁵ изволил Р, И. ²⁶⁻²⁷ проп. Р, И. ²⁸ изволил Р, И. ²⁹ запев Р, И. ³⁰ хвалите Р, И. ³¹ видите Р, И. ³² бубенной звук Р, И. ³³ воровство Р, И. ³⁴ веры Р, И. ³⁵⁻³⁶ проп. Р, И. ³⁷ с плачем Р, И. ³⁸ так Р, И. П. свет приносит. ³⁹ запев. Р, И.

Ибо утверди вселенную, яже не подвижится. (Ч., М.)

Кто ли пропився до нага не помявет тебя, кабаچه непогребне?
⁴⁰ Како ⁴¹ ли кто не воздохнет во многия времена собираемо ⁴² богатство, а во
 един час ⁴³ все погибе? ⁴⁴ Каеты много, а воротить нелзе. ⁴⁵ Кто ли (об.) про
 тебя не молвит, кабаچه непотребне, да лишитца ⁴⁶ не мотчи? ⁴⁷

Кто тебе не блажит, пресвятая девице, или кто не воспеваает...
 (Треф.)

Слава и ныне сипавая с позоры.

Приидете вси искуснии человецы и благонарочития ⁴⁸ в разуме, ⁴⁹
 почюдимся таковаго пития науке. Исперва [бо младыми отрочаты будучи] ⁵⁰
 неволею нудими бывають [пити] ⁵¹ от родителей своих или от друзей своих ближ-
 них, сегодни [в славу божию] ⁵² и позавтрее от болезни похмельныя нудят ⁵³
 неволею ⁵⁴ пити, и мало по малу и сами (283) гораздни [станем пити] ⁵⁵
 и людей станем учити, а как научимся ⁵⁶ пива ⁵⁷ пити, и не мотчи ся и ли-
 шити; в прежние времена, ⁵⁸ как мы не умели ⁵⁹ пива ⁶⁰ пити, всяк зовет, и на
 дом ходят, и мы не ходим, и в том гнев живет от друзей своих, а ныне
 где и не зовут, и мы идем ⁶¹ своим напрасньством. ⁶² Хош и оговорят, и мы
 терпим, глухой клубук на себя наложим. Се довлеет нам, братие, отбегати,
 яко ото лва, ⁶³ снедающа человека (об.). Тому почудимся, в мале часе, како
 изчезе [от нас] ⁶⁴ мудрость, и ступи же нагота, ⁶⁵ и безумием наполнихся
 [и быхом] ⁶⁶ видящим на смех, а себе ⁶⁷ с пропою ⁶⁸ на великую срамоту.
 Тем же злословим тя, кабаچه непотребне, бесованию наставниче. ⁶⁹

Приидете мучинеколюбцы вси, ... благочестно прославим
 славнаго... Приидите сошедшеся, вернии, ... торжество свершим
 днесь... (М.)

На стиховне стихиры, ⁷⁰ подобен: ⁷¹ дом пустеет.

Стихиры глас 2 подобен: Доме Еуфрафов. (М.)

Дом потешен, голодом ⁷² изнаवेशан, робята ⁷³ пищать, ести хотят,
 а мы право ⁷⁴ божимся, что и сами не етчи (284) ложимся.

Дом и жилище духу пресвятому... (М.)

⁴⁰⁻⁴¹ проп. Р, И. ⁴² назбирав Р, И. ⁴³⁻⁴⁴ пропивши Р, И. ⁴⁴⁻⁴⁵ проп. Р, И.
⁴⁶⁻⁴⁷ им же отлучитися невозможно Р, И. ⁴⁸⁻⁴⁹ проп. Р, И. ^{50, 51, 52} доб. Р, И.
⁵³⁻⁵⁴ мало Р, И. ⁵⁵ так Р, И; П. быти ⁵⁶⁻⁵⁷ проп. Р, И. ⁵⁸ в Р отсюда большой про-
 пуск — вырван л. 6-й и в рук. идет л. 7-й. ⁵⁹⁻⁶⁰ проп. Р, И. ⁶¹⁻⁶² проп. Р, И. ⁶³ доб. отал И.
⁶⁴ доб. И. ⁶⁵ ступихом на лествицу нагот И. ⁶⁶ доб. И. ⁶⁷⁻⁶⁸ проп. Р, И.
⁶⁹ доб. глупым приставниче И. ⁷⁰⁻⁷¹ проп. Р, И. ⁷² голоду и холоду И. ⁷³ доб. у нас И.
⁷⁴ мы им. И.

Стих: Многи скорби с похмелья⁷⁵ живучи⁷⁶ бывают.

Стих: Многи скорби праведным и от всех их избавит их господь. (М.)

Полати кабацкие, примете пропойцу, нагие веселитесь, се бо вам [нагим другиим]⁷⁷ подражатель явися, голоду тернитель.

Стих: Пьяница, яко теля⁷⁸ наго⁷⁹ процвете убожеством.

Праведник яко финик процветет. (М)

Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспится, перекусить нечего,⁸⁰ с сорому⁸¹ чужую сторону спознавает.

Слава и ныне.⁸² Отецкому⁸³ сыну суровому [неученому]⁸⁴. (об.) Отцком сын суровой [роспотешился],⁸⁵ с ярыжвыми спознался, и на полатях [голым гузном]⁸⁶ в саже повалялся, взявши кошел и⁸⁷ под окны⁸⁸ пошел.

И протчее всеобычное пьем по добыткам, во што верят; таже нагота или босота и отпуст [безо всего платья]⁸⁹ по⁹⁰ обычаю ж⁹¹ и многое падение бывает [колпаком]⁹² ронянию шапкам [пред обедом].⁹³

и отпуст по обычаю... (М) По отпусе же... идут в трапезу вечеряти... и творим метание на кийждо стих... (Час)

На вели [цей] вечерни позвоним во все платье,⁹⁴ пред обедом⁹⁵ изопьем ковша по три вина, таже глаголем пустошную кафизму, что прибрело. Таже⁹⁶ на ризы⁹⁷ пропи (285) вание, понесем ис погреба болиши ведра вина. Таже стихиры на все платье вина до нага⁹⁸ вседневно скорби въздыханием⁹⁹

Глас шестопятой подобен:¹⁰⁰ не радуися пити на людех, да своего не потеряешь.

Залев: Изведи из непотребнаго пьянства душу мою.

Изведи из темницы душу мою. (Час)

Придете всяк град и страна торжествуем мерских смутотворцев память мрачно,¹⁰¹ светлоков запечных¹⁰² возвеселим голодом, воспоем¹⁰³ торговыми казаци, иже от своего (об.) неразумия страждущих, непослушливых, отцем и матерем непокоривых¹⁰⁴ укорим;¹⁰⁵ не бога ради мраз и глад-

75—76 *проп.* И. 77 *доб.* И. 78—79 *валяетца* И. 80—81 *сега ради скоро* И. 82—88 *неучинному* Р, И. *Здесь возобновляется сп.* Р. 84 *доб.* Р, И. 85 *так* Р, И; П *роспотешил еси*. 86 *доб.* Р, И. 87—88 *по подворьям* Р, И. 89 *доб.* Р, И. 90—91 *сем же* Р, И. 92—93 *доб.* Р, И. 94—95 *нот.* Р, И. 96—97 *каризы* Р, И. 98 *доб.* от Р, И. 99 *и въздыхания* Р, И. 100 *Отсюда* 664 *ст. И. большой пропуск — вырваны листы.* 101—102 *сверчков залертых* Р. 103 *воспочти* Р. 104—105 *скорбящих* Р

и наготу терпящих, битьем и похвалами воспоем глаголюще: радуетесь яко мзда ваша¹⁰⁶ многа¹⁰⁷ на полатах в саже.

Всякий град и страна четет моши ваша... (Тр. Цв.)

Стих: Вземлюще заклад, что мне¹⁰⁸ пропити.

Приидете безумнии¹⁰⁹ и воспоите песни нелепые пропойцам, яко из добрыя воли избраща себе убыток; приидете, пропойцы, срадутесь, с печи бросаетесь,¹¹⁰ [голодом, воскликните убожеством, процветите, яко собачьи губы, кои в скаредных местех растут.

Приидите песнями венчаем страдалца Христова, яко цвет селныи рай божественнаго благорасленый цвет, православных овча, чистоте доброта, вере утверждение, слава воздержанию, явися явственно мируи, тем же венец прият царствия неприменев. (Мин. Сл.)

Стих: Глухие потешно слушайте, нагие веселитесь, ремением секи-теся, дурость к вам приближается, (8 об.) безрукие възиграйте в гусли, буявые воскликните бражником песни безумия, безногие възскопчте, нелепаго сего торжества злы дладиму украсите праздник сей.¹¹¹

Запев: Яко желает всяк человек с похмелья оправитися.

Дурныя и бесныя спецыгесь, самохотныя вам дары пред грядут, носяще своя кропивныя венцы терпения своего, с конца бо горят, а з другова говорят; безголовыя и слепыя, последуйте ми на печь в про-пасную улиду и видите, какво се приятие в земли пропойцы отлучение своего живота, взяша бо себе коревь тоски, цвет охания (9 об.), ветви сра-моты, з голодом звонят, с босотою припевают, глядят из запечья]¹¹² (286) что живые родители, что жуки ис калу вышолзли, нищат, что щенята, просят¹¹³ ¹¹⁴ денешки на чарку, а инои на хлеб подает; белые руки, что ожоги, рожи, что котелные дна, зубы светлеют, глаза пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут. Как дал тот боголюбец денешку, а инии гла-голет: меня пожаловал. Кто тех жития не похулит, яко вместо добра злые дни себе возлюбиха, аражею и ложью и татбою величают и своен жизни нерадящих.¹¹⁵ (об.)

Стих: От всего блага¹¹⁶ пьянства ради лишихся.

Приидете вси искуснии и благонарочитий в разуме, отбежим таковаго рва самохотнаго, [впадающих]¹¹⁷ в него и влекущих нас друзей¹¹⁸ в сне.¹¹⁹

¹⁰⁶—¹⁰⁷ проп. Р. ¹⁰⁸ чтобы Р. ¹⁰⁹ доб. человецы Р. ¹¹⁰—¹¹² в сп. П здесь вырван лист; (вспоминаем по сп. Р. ¹¹¹ Здесь в Р песнопение, которое в П читается дальше — л. 287: Стих: Всего добра пьянства ради лишихся...) ¹¹³ доб. хлеба куска Р. ¹¹⁴—¹¹⁵ проп. Р, вместо этого ошибочно вставлен отрывок из жития — см. ниже. ¹¹⁶ добра Р; ¹¹⁷ так Р; П впадающаго ¹¹⁸—¹¹⁹ проп. Р.

Вси отрвантесе, яко не добре нам смышляющим и влекущим нас в ров погибели. Невинно бо есть [нам вино],¹²⁰ но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель. Яко бог прославится (287) в разумном человеце, свет бо ему разум, им же ся озаряет, рассуждение таковых [зол]¹²¹ оглушаетца, тех достоинно ублажаем. б

¹²² Стих: Егда зазвоним во все животы, слава всякому человеку по делом его¹²³

Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда егда во многия дни се творимо, питьем омрачаху свои сущии разум, в ноц неразумия преворяху, до нага пропивахуся.

Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещалуха, тогда Иуда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся беззаконным судиям тебе праведнаго судию предает. Видь имением любителю, иже сих ради несытство стяжавше и удавлению вдавшеся, бежи несыттыя души, яже учителю таковая содеявшия, иже о всех благии господи, слава тебе. (Час.)

Егда же (об.) просыпахуся, срамотою уязвляхуся; егда же от даема пития с похмелья на первыи свои чин возвращаху, на свои живот пагубно обоглахуся, яко ни единая ризы в дому оставити, пространныя пропасти возлюбил, на ветр живот свой розвешаша. Погащи, понеси, наливай, егда же напившиися, тогда же веселием, дуростию и шумом наполнишесе рытье во все горло во отлучение своего живота. Егда же просыпашесе, (288)¹²⁴ тогда болезнию озаряшесе и частым оханьем согубяшесе; егда же в меру трезваго разума достигаше, тогда печалию болезнено уязвляшесе, яко много пропито, неведомо что, конец житию моему будет, не вем, откуда и как почати жити, и обеты¹²⁵ и каеты¹²⁶ на себя и клятву налагаше, яко [я вперед]¹²⁷ не пити. Егда же долго не пиваше, тогда же похотию яко стрелою уязвляшесе; как бы мощно¹²⁸ испити в славу божию (об.). Егда же чрез клятву дерзаше, на питие простирашесе и испиваше и [на]¹²⁹ пугвицы изливаше и¹³⁰ семо и овамо,¹³¹ яко болван бездушен [валяхуся],¹³² сам себе душегубец и убица являшесе, и в горшая напасты впадаше горчае перваго, и тайная наша вся си являше, в позор человеком [быша].¹³³ Чего¹³⁴ и не творим, ино добрые люди вгрое прибавят. Всяк ся ублюет, толко не

¹²⁰ доб. Р. ¹²¹ доб. Р. ¹²²⁻¹²³ проп. Р; отсюда в Р большой пропуск. ^{а-б} этот отрывок в Р читается выше. ¹²⁴ Отсюда возобновляются сп. Р, И. ¹²⁵⁻¹²⁶ проп. Р, И. ¹²⁷ так Р, И; П в среду ¹²⁸ немножко Р, И. ¹²⁹ доб. Р, И. ¹³⁰⁻¹³¹ проп. Р, И. ¹³² соб. Р, И. ¹³³ доб. Р, И. ¹³⁴ доб. сами Р.

всяк на себя скажет; под лесом видят, а под носом не слышат.¹³⁵ Безместно¹³⁶ (289) житие возлюбихом, по глаголющему: злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша, а пьяницы же и пропойцы злату ржавчину протираху и своему житию вейтели¹³⁷ являхуся.¹³⁸ Наг объявляшеся, не задевает, ни тлеет¹³⁹ самородная рубашка, и¹⁴⁰ пуп гол: когда¹⁴¹ сором, ты закроися перстом.¹⁴² Слава тебе, господи, было да с[п]лыло, не о чем думати, лише спи,¹⁴³ не стои, одно лише оборону от клопов держи, а то жити¹⁴⁴ весело, а ести нечего, (об.) руки к сердцу прижавше, да кши¹⁴⁵ на печь, лутче черта в углу не стукаешь. Того ради вси¹⁴⁶ от бездилия¹⁴⁷ вопием ти: веселися, радуися, уляпался, и двожды наимуся, денешку добудь, алтынец съез, а половиною прикуп твори, а иногда¹⁴⁸ и не етчи спи.¹⁴⁹

[Слава]¹⁵⁰ и ныне таков же голос.

Одиннатцать семь и платье с плеч, стремка¹⁵¹ не стала, одиннатцать солгала, в бороду скочила, радость сказала; радуися, уляпался, не один вас у матки [остался],¹⁵² (290) много вас смутотворцов, да не в одном месте, оголи гузном скачут, белые руки в роте греют. Родила вас мама, да не приняла¹⁵³ вас яма. В лете не потеете,¹⁵⁴ [а в зиме не зябете, за щеками руки греете],¹⁵⁵ живете, что¹⁵⁶ грязь весите.¹⁵⁷ Увы нам, куды нам, где ни поживем, везде загрезим, где ни станем, тут воняем, людей¹⁵⁸ от себя¹⁵⁹ разгоняем, за дурость ума нашего и сущии родители нас отлучишася, и глаголют: яко (об.) не родивше нас; житием своим процвели есте, яко голпки, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что чортом, диру затыкают, тем достойно злословим и ублажаем¹⁶⁰ вас.

¹⁶¹ Святыя славы кабацкия.¹⁶²

Несвятыя¹⁶³ славы на кабак залесть [желают],¹⁶¹ но недобрые поминанам отцем и матерно наказание, да мы их не слушаем, таково нам се и збываетца. Поминают сына [на]¹⁶⁵ воровстве и отцу не пособил, бьют по хребту, а сто (291) ронные люди глаголют: достойно и праведно вора смиряти [и бити]¹⁶⁶ и всяк¹⁶⁷ [смотря на то добру накажется].¹⁶⁸ Сыне, добро слышати отца, жизнь твоя пробавитца, тем же ты мир [славит].¹⁶⁹

Свете тихий, святыя славы безсмертнаго отца, небеснаго святаго блаженнаго Иисусе Христе. Пришедшу солнцу на запад,

¹³⁵—¹³⁶ пьяницы бо безсмертное Р, И. ¹³⁷ глупу делатели Р, И. ¹³⁸—¹³⁹ ничесого бо надеваху не имеет на них Р, И. ¹⁴⁰—¹⁴¹ и голопупым ходяще, егда же бывает Р, И. ¹⁴² доб- благодарение сичево имуще Р, И. ¹⁴³—¹⁴⁴ да лежи жити вам Р, И. ¹⁴⁵ скок Р, И. ¹⁴⁶—¹⁴⁷ проп. Р, И. ¹⁴⁸—¹⁴⁹ нет И; прикуп твори Р. ¹⁵⁰ доб. Р, И. ¹⁵¹ три семь Р, И. ¹⁵² доб. Р, И. ¹⁵³ озинула Р, И. ¹⁵⁴—¹⁵⁵ так Р, И; II лише за щеки зиме не водите. ¹⁵⁵—¹⁵⁶ а ногами Р, И. ¹⁵⁷ месите Р, И. ¹⁵⁸—¹⁵⁹ проп. Р, И. ¹⁶⁰ воздуряем Р, И. ¹⁶¹—¹⁶² проп. Р, И. ¹⁶³ непотребныя Р, И. ¹⁶⁴ доб. Р, И. ¹⁶⁵ доб. Р, И. ¹⁶⁶ доб. Р, И. ¹⁶⁷—¹⁶⁸ так Р, И; II на того ся кажет. ¹⁶⁹ так Р, И; II хвалит.

видевше свег вечерний, поем отца и сына и святого духа бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, сыне божий, живот дайя всему миру, его же ради весь мир славят тя. (Час.)

¹⁷⁰ Таже выход ис погребя с пивом ¹⁷¹. Прокимен ¹⁷² и ермес на печи глаголет: ¹⁷³ Пьяница пропився в раздранныя [рубшица] ¹⁷⁴ облечется.

Всяк бо пьяница отлучится от бога и людей и облечется в раздранныя рубшица. (Шоучение к царем и князем... еже не упиватися Пролог, 7 апреля — см. Пономарев, Памятники... в. IV, стр. 141—2).

Стих: [А буди] ¹⁷⁵ что найдеш или украдеш, ¹⁷⁶ то ¹⁷⁷ понеси на кабак

Стих: Хошь ¹⁷⁸ и любое ¹⁷⁹ платно, ¹⁸⁰ да ¹⁸¹ пропити не мотчи ся удержати.

Таже паремьи. (об.) От мирскаго жития чтение.

Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руках бесовских [суть] ¹⁸² и прикоснется им мука. ¹⁸³ Непщевани быша ¹⁸⁴ во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение костем и [зубом], ¹⁸⁵ отпадения ¹⁸⁶ плоти ¹⁸⁷ его ¹⁸⁸ ибо пред лицом человеческим ¹⁸⁹ непостыдни суть, аще и наготу примут, упование их на пьянство с напрасньством. Аще и биени ¹⁹⁰ от вина, докуки не [любят, пьют до дна], ¹⁹¹ яко бес искуси их и обрете их [подобных себе] ¹⁹², яко (292) смолу на них приготових, и яко всеплодну жертву огненному родству подав, и до время воровства их [наги] ¹⁹³ по торгу [биени] ¹⁹⁴ будут и яко река ото очию их слезы потекут. ¹⁹⁵ Преидет ¹⁹⁶ судят своему удержанию ¹⁹⁷ и обладаеми хмелем и вкоренитца в них пьянство, и в нищете пребудут о нем, яко благодать на полятах и занечная улица на голянских и попечение в [костарнех]. ¹⁹⁸

От премудрости Соломони чтение глава 3.

Праведных душа в руке божии, и не прикоснется ич мука, непщевани быша во очию безумных умерети, и вменися озлобление исход их, и еже от нас шествие сокрушение, они же суть в мире, ибо пред лицом человеческим аще и муку примут, упование их безсмертия исполнь, и малое показани быша, великая воспримут, яко бог искуси их и обрете их достойны себе, яко злато в горниле искуси их и яко всеплодну жертву прият их, и во время посещения их восияют, и яко искры по стеблию отекут. Судят языком и обладают людьми, и воцарится господь в них во веки, надеющийся на нъ разумеют истину, и вернии любовию пребудут в нем, яко благодать и милость в преподобных его, и посещение во избранных его. (Мин.)

^{170—171} в Р, И выше—место «святыя славы кабацкия». ^{172—173} проп. Р, И. ¹⁷⁴ так Р, И; П ризы. ¹⁷⁵ так Р; П ибо; И о беде. ^{176—177} не оп Р, И. ^{178—179} проп. Р, И. ^{180—181} проп. Р, И. ¹⁸² доб. Р, И. ^{183—184} проп. Р, И. ¹⁸⁵ доб. Р, И. ¹⁸⁶ доб. от Р, И. ^{187—188} проп. Р, И. ¹⁸⁹ владычнем Р, И. ¹⁹⁰ пианицы Р, пиании П. ¹⁹¹ так Р, И; П отлагают. ¹⁹² так Р, И; П неблаго царных. ¹⁹³ так Р, И; П ачи. ¹⁹⁴ доб. Р, И. ^{195—196} проп. Р, И. ¹⁹⁷ невоздержанню Р, И. ¹⁹⁸ так Р, И; П костарнех.

От мирскаго жития чтение.

Пьяницы на [кабаке]¹⁹⁹ живут [об.] и попечение имут о приезжих людех [како бы их облупити и на кабаке пропити и того ради примут раны и болезни и скорби много]²⁰⁰ сего ради приношение их Христа ради примут от рук их денешку [или полденешки]²⁰¹ и две денешки [и взявши читья попотчуют его]²⁰² [и егда хмель приезжаго человека преможет, и разопъется]²⁰³ и ведром пива голянских найдет,²⁰⁴ и примет оружие пьянства и ревностию драки и наложит [шлем дуности и примет щит]²⁰⁵ наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, пойдут стрелы ис полинниц, яко от пружна²⁰⁶ лука и каменьем²⁰⁷ бывает бьем²⁰⁸ (293) пьяница, вознегодует и на них целовалник и²⁰⁹ ярыжные напрасливы з батоги проводит,²¹⁰ яко вихор развиеет пьяных и очистя их до нага, да на них же утро бесчестие правят, и отпустит их [с великою скорбю и с ранами]²¹¹ во свою землю безо всего²¹² Слышите, [благочестивие и младые]²¹³ и внушите приезние гости, а дається вам²¹⁴ сия напасть за глупость,²¹⁵ и сила ваша в немощ претворяется.

От премудрости Соломона чтение глава 5.

Праведници во веки живут, и от господа мзда им, и помышление их пред вышним, сего ради примут царствие благоления и венец доброты от руки господни, яко десницею покрывает их и мышцею защитит их, примет все оружие ревности его и вооружено сотворит создание в месть врагом и облечет я во броня правды и возложит шлем суд нелицемерен, и примет щит непобедимъ преподобие, поострит же напрасен гнев во оружии и поборет с ним мир на безумныя, и пойдут праволучне стрелы молниины, яко от благокругла лука облаков на намерение летят, и от пращ каменных ярости исполнь падут грады, вознегодует на них вода морская, реки же потекут жестоцае, сопротив станет им дух силы, и яко вихорь развеет я и отпустит всю землю беззаконие, и злодеяние превратит престолы сильных. Слышите убо, царие, и разумейте и накажитесь судии концем земли, внушите содержащим множества и гордящимся о народех язык, яко дана бысть от господа держава вам и сила от вышняго.

От мирскаго жития чтение.

Правдивый человек аще пьет (об.) и по корчмам²¹⁶ водится, в позор будет; старость его не честна, ни многолетна, и в число²¹⁷ воровство его

¹⁹⁹ так Р, И; П бане. ²⁰⁰ доб. Р; како бы их облупити и на кабаке пропити И. ²⁰¹ доб. Р, И. ²⁰² доб. Р, И. ²⁰³ так Р, И; П яко хмель десницу положит приезжему и опитися. ²⁰⁴ напойт И. ²⁰⁵ доб. Р, И. ²⁰⁶ кренка Р; чренка И. ^{207—208} бият Р, бият батоги И. ^{209—210} начнут бити батоги и проговят их Р, И. ²¹¹ доб. Р, И. ^{212—213} проп. Р, И. ²¹³ так Р, И; П благочестия млады. ^{214—215} сие на память, зане глупость есть Р, И. ²¹⁶ доб. ходит и Р, И. ²¹⁷ силе И.

лишит,²¹⁸ седины же его срам ему приносят, старость бы жития его с позо-ры, изволив житие скверно, благоугоден пьяницам быв, живыи посреде трезвых преставлен бысть шалством, восхищен бысть [и с]²¹⁹ ярыжными на воровстве [уловлен бысть]²²⁰ да злоба покрывает разум его, и леть пьянства превратит душу его; [рачение]²²¹ бо злое (294) губит добрая, и желание похоти прелагает его в ров погибели;²²² скончавшуся ему от воровства никто по нем не потужит, исполнит лета своя в питии и²²³ угодна бы бесу²²⁴ душа его. Сего ради подщався от среды лукавствия,²²⁵ где что выманити да пронити, у всякого человека просити пива и вина и отнимати насилством. Людие же видевше у кого²²⁶ имаеть,²²⁷ бити ему согвориша, а иные человецы [бога ради]²²⁸ его пустиша и не (об.) положиша в кручину сего, яко бити его некого и сняти с него нечего.

От премудрости Соломони чтение глава 4.

Праведник аще постигнет скончатися в покои будет. Старость бо честна, не многолетна, ни в числе лет изочтена, седина же есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверно, благоугоден богами быв, и возлюблен бысть, и живыи посреде грешник преставися, восхищен бысть, да не злоба изменит разума его или леть прельстит душу его, рачение бо злое губит добрая и желание похоти пременяет ум незлобив, скончався вмале исполнит лета долга, угодна бо бе господени душа его. Сего ради потщася от среды лукавствия. Людие же видевше и не разумевше, ни положиша в помышлении такового, яко благодать и милость на преподавных его и посещение во избранных его. (М.)

Таже:²²⁹ Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напиться нам. Лягу спати, благ еси нам, хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на нас, яко же уповахом пьюще на тя.²³⁰

Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси, господи, боже отец наших, и хвално и прославлено имя твое во веки аминь. (Час.)

Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя. (Ч.)

На литии стихиры: во отлучение досталных крох и прибыток чюжаго имения.

Глас²³¹ иныи: (295) 18.²³² Подобен: о болезненное шествие.

Вооружился на пьющих²³³ крепко,²³⁴ яко гороховое полохало, по образу, яко человек, по разуму же, яко нетопыр, в день не летает,²³⁵ а

²¹⁸ ищитается Р, И. ²¹⁹ доб. Р, И. ²²⁰ доб. Р, И. ²²¹ так Р, И; II речение. ²²² в во-
овство погибелное Р, И. ²²³⁻²²⁴ не угодна бе Р, И. ²²⁵ злобы Р, И. ²²⁶⁻²²⁷ сила есть
Р, И. ²²⁸ так Р, И; II в бога. ²²⁹⁻²³⁰ проп. Р, И. ²³¹⁻²³² пустошнои Р, И. ²³³⁻²³⁴ пх ол.
Р, И. ²³⁵ проп. Р, И.

в ночи летает, тако и ты,²³⁶ пропойца, в день за печью лежишь свернувся, яко пес голодом мреш, а в ночи яко глуп подвижник²³⁷ у пьяных мошни холостиш, а за труд свой²³⁸ почеть²³⁹ прутье терпиш, но дурнаго обычая не отлучаешся, на преднее свое²⁴⁰ дуровство (об.) простираешся,²⁴¹ яко ворона по полатям²⁴² летает, тако и ты на полатях²⁴³ смышляеш, как бы кого облупити. Сего ради почеть прием трудов своих, кропивным венцем увязе главу свою, кручиною изнаполнил еси сердце свое, [и с тоски]²⁴⁴ дектем помазал еси лице свое, процвел еси яко кропива, кто ея ни возмет, тот²⁴⁵ руки²⁴⁶ ожжет, тако и с тобою с пропойцем, хто ни подружитца, тот охнет; житием своим всех удивил еси, светяся, яко запечная звезда (296), или яко²⁴⁷ бисер в нелепе месте являясь, кой свини берут; разумом своим²⁴⁸ во глубину пропасти понырнул еси, и от трудов [сниде]²⁴⁹ во три ады.²⁵⁰

Кондак мученику глас 2. Вооружився щитом веры, нечестивых полки победил еси..... (Час.)

Посреди напасти скочил еси, в тюрьму вселился еси и тамо сущую мзду трудов своих прием, ожерелье в три молоты стегано и перстен бур[мит]-ской²⁵¹ на обе руки [наложил еси],²⁵² и нозе свои во кладе утверди, и тамо не мятежно²⁵³ и не смутно²⁵⁴ житие имел, поминаи²⁵⁵ чтущих²⁵⁶ дурость твою,²⁵⁷ славословие к миру (об.) о милостыни принеси,²⁵⁸ чтоб тебе было чем чрево свое наполнити. Тем²⁵⁹ вас непослушливых в песнях поносных уляпаем.²⁶⁰

²⁶¹Слава²⁶² хватливому по щокам. Глас остатопной.²⁶³

В тернии своем стяжал²⁶⁴ еси²⁶⁵ мзду свою, почеть [по щекам]²⁶⁶ трудов своих приемля, скорби, соломянным венцем главу свою увязе, лице свое для ковша²⁶⁷ поушники пьяным,²⁶⁸ главу свою²⁶⁹ попелом²⁷⁰ изнаполнил, лице²⁷¹ свое сажею удручив,²⁷² постнически²⁷³ жизнь (297) свою скончав, люди в рот, а ты глот.

В тернии твоём стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах непрестанно терпя, нищих возлюбив, и сих удоволил еси..... (Час.)

²³⁶ проп. Р, И. ²³⁷ подважник Р, И. ²³³⁻²³⁹ проп. Р, И. ²⁴⁰⁻²⁴¹ воровство возвращается Р, И. ²⁴²⁻²⁴³ проп. Р, И. ²⁴⁴ доб. Р, И. ²⁴⁵⁻²⁴⁶ проп. Р, И. ²⁴⁷⁻²⁴⁸ свиния в кале валяясь Р, И. ²⁴⁹ так Р, И; П взыде. ²⁵⁰ доб. слава Р, И. ²⁵¹ сурской Р, И. ²⁵² доб. Р, И. ²⁵³⁻²⁵⁴ проп. Р, И. ²⁵⁵⁻²⁵⁶ проп. Р, И. ²⁵⁷⁻²⁵⁸ и вместо славословия милостыни ту мира просиши Р, И. ²⁵⁹⁻²⁶⁰ проп. Р, И. ²⁶¹ отсюда в Р, И. *большой пропуск, который читается ниже.* ²⁶²⁻²⁶³ проп. Р, И. ²⁶⁴ смирил Р. ²⁶⁵ доб. хвасливому Р, И. ²⁶⁶ доб. Р, И. ²⁶⁷⁻²⁶⁸ проп. Р, И. ²⁶⁹ доб. подклонил еси и Р, И. ²⁷⁰⁻²⁷¹ посыпал еси тело Р, И. ²⁷²⁻²⁷³ не по старчески Р, И.

Послушлив быв пьяницам²⁷⁴ и игумна наредят,²⁷⁵ а ты, что бес, скочил; иному на полати на имя ковш подали, а ты с полатен и скочил, бросился, мало головы не сломил, прискоча, что идол, хватился за ковш, ковша не выпил, а поушник²⁷⁶ схватил, спасибо сказал, яз виноват,²⁷⁷ бядина сына вырвал, а ты, пропоица, не вопреки глаголеш: бог тебе платит на добром слове, блажен еси, яко никакова тебе скорбь не может²⁷⁸ от пития²⁷⁹ разлучити (об.), ни побои, ²⁸⁰ни поушники,²⁸¹ ни глад, ни срам, ни родивших тя журбы, непостыдно лице имея, что бес пред заутренею лстиш, тако и ты, пропоица, для ковша душу свою топиш, пьющему потакаеш,²⁸² льстиш, вежлив ся твориш пред ним,²⁸³ огонь у ярыжных из рук рвеш, его осужаеш, не гораздо светиш, руку со огнем вверх протягаеш,²⁸⁴ на место²⁸⁵ [пропоицу садиш и место ему одуваеш],²⁸⁶ чтоб ему сесть, седалища не изгрязнити;²⁸⁷ избу мегеш, как и всегда добрый послушник, а как его опьеш, (298) так ты [ево и бьеш, а сам]²⁸⁸ что бес, на старые полати скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полати и приставай к нашему стаду, [избранному и к нашей братье голянскои],²⁸⁹ садися с нами на печь голым гузном сажи мести. Поедем с полатен оголи гузном на печь, привыкай к побоям, поститися научись, заглядывай из запечья с нами, что живой родитель, жив провонял, глаза пиликают, зубы светлеют,²⁹⁰ с²⁹¹ радением бажите,²⁹² что вам бог пошлет²⁹³ [на годья зубы]²⁹⁴ (об.), стряпайте около²⁹⁵ ево, что черт у слуды,²⁹⁶ стояния много, а воздаяния мало. Тем вас побоями²⁹⁷ почитаем и напраснство ваше похуляем,²⁹⁸ терпению вашему дивимся, не бога ради страждущих, но з дурносоны непослушливыми хулными²⁹⁹ глаголы воспеваем вас страждущих от своая совести.

И ныне глас той же.³⁰⁰ Отецкому сыну суровому.³⁰¹

Отецкой сын роснотешился, с ярыжными спознался, сажу и руду на полатех претерпел еси, взявши кошел (299), ³⁰²да под окны³⁰³ пошел, Христа помянул, а собак подразнил.³⁰⁴

³⁰⁵Таже³⁰⁶ на стиховне стихиры [глас шестопятой]³⁰⁷ Подобен: [Радуй-теся].³⁰⁸

²⁷⁴—²⁷⁵ иным нарядам Р, И. ²⁷⁶—²⁷⁷ вырвал Р, И. *Отсюда Р, И продолжается как П.* ²⁷⁸—²⁷⁹ отбити и Р, И. ²⁸⁰—²⁸¹ *прон.* Р, И. ²⁸² подаеш Р, И. ²⁸³—²⁸⁴ *прон.* Р, И. ²⁸⁵—²⁸⁶ *так* Р, И; П пропоицы и одмеш. ²⁸⁷ *доб.* платья и гузно не измарати Р, И. ²⁸⁸ *доб.* Р, И. ²⁸⁹ *доб.* Р, И. ²⁹⁰ белеют И; болеют Р. ²⁹¹—²⁹² нечто себе чают Р, И. ²⁹³—²⁹⁴ *так* Р, И; П иново пастуха. ²⁹⁵—²⁹⁶ пьяного Р, И. ²⁹⁷—²⁹⁸ потчиваем и праздноство ваше почитаем Р, И. ²⁹⁹ хмельными И. ³⁰⁰—³⁰¹ *прон.* Р, И. ³⁰²—³⁰³ по подворьям Р, И. ³⁰⁴ *доб.* невеняицы просит, чтоб лехче носить И. ³⁰⁵—³⁰⁶ *прон.* Р, И. ³⁰⁷ *доб.* Р, И. ³⁰⁸ *так* Р, И; П дом пустеет.

Радуйся [недостойт глаголати к тебе],³¹¹ каба́че непотребныи, несы-
тая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная
нищета, чужая сторона от тебе³⁰⁹ неволею³¹⁰ познавается. Для [тебе]³¹¹
ради, каба́че непотребне, люди меня ненавидят, взаимы мне не дадут,³¹²
с похмелья еси великая стонота,³¹³ очам еси отемнение, уму омрачение,
рукам трясание. Старость есть (об.) человеком недобрая, не христианскою
смертию мнози человеци от тебе умирают.

Стих: [Умел запити до пьянства и во срамную облещися наготу].³¹⁴

Радуйся [да не возглаголет к тебе никтоже],³¹⁵ корчмо несытая, людем
обнажение велие в мале часе, а на опосле печали умножение; во всю землю
слава идет про тебя неблагодарная, мнишескому чину поругание велие. Кто
к тебе ни придет, тот даром не отоидет, всякому человеку еси не постыден
чистоха.³¹⁶ Кто с тобою ни знаетца (300), тот от тебя охнет, а на опосле
много и слез бывает.

Стих: Яко³¹⁷ на корчме всякое воровство бывает.³¹⁸

Радуйся [нелепо есть слышати тебе, каба́че, но паче веселое бесо-
вание, наставниче безумным],³¹⁹ яко мнози тобою хвалятся, и хвастают
по мале же и нищетою болят, проповедают чюдеса твоя великая [вскор-
мленики твои ярышки пьяные].³²⁰ Днесь есми был пьян, не помню, как
с кабака свели, в мошне было денег³²¹ алтын десять,³²² то все вычистили,
и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню
всего (об.), а ии проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался и [что
свивья]³²³ в калу перевалаяся, дошед до [заходу]³²⁴ тут и спал, пробудился,
шед в полночь на реку умылся, кому ни [сказать],³²⁵ тому и зблевать.³²⁶
Ии же чюдеса³²⁷ и того дурнее вопиет: яз вас всех пьяние был, пришед
домов, жену свою перебил, детей своих розгонял, суды все притоптал,³²⁸
не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем.³²⁹

³³⁰Стих: Хвалят всякого человека, как у него в руках видят.

Радуйся, каба́че весельи, с плачем (301) людский губителю, приезжим
гостем досада великая. Кто на тебе побывает, тот всего повидает, учителю
молодым и старым и безумным, жалованье ярыгам городским и деревенским
даеш по всему хрепту плети и крепко шиты, да кафтаны даеш, часто стеж,
вековая память, иным даеш ожерелья нашего в три молоты сажено, комуждо

³⁰⁹—³¹⁰ *проп.* Р, И. ³¹¹ *доб.* Р, И. ³¹² *верят* Р, И. ³¹³ *сторона* Р, И. ³¹⁴ *так*
Р, И; П Ибо что найдеш или украдеш, то понеси на каба́к. ³¹⁵ *доб.* Р, И. ³¹⁶ *ходатаи*
Р, И. ³¹⁷—³¹⁸ *утвердися на каба́ке что украдеш или найдеш, то все на каба́ке пропьеш*
Р, И. ³¹⁹ *так* Р, И; П каба́че весельи, бесованию наставниче. ³²⁰ *доб.* Р, И. ³²¹—³²² *проп.*
Р, И. ³²³ *доб.* Р, И. ³²⁴ *так* Р, И; П *проходу.* ³²⁵ *так* Р, И; П *мазать.* ³²⁶—³²⁷ *паки же*
и ити Р; *также иныи* И. ³²⁸—³²⁹ *проп.* Р, И. ³³⁰ *проп.* Р, И.

различныя дары даеш, а иному даеш³³¹ зарукавья железные, а крылошав и старцов жалуеш темною темницею³³² и кормиш их с похмелья (об.)³³³ сущьем³³⁴ з грид, ³³⁵или их дариш³³⁶ осегриною³³⁷ вязовою. по всему хрепту,³³⁸ раздирай платье, не стои, потчивай по монастырски, не робей,³³⁹ хлеб, господине, по силам, а полога по плечам, а на прихлебку не диви, плетей не лучилось. Тем ти, господине, по спине челом бьем,³⁴⁰ не часто тое воло[гу]³⁴¹ кушают, а во веки³⁴² отрыгается.

Слава и ныне³⁴³ недобрая непослушливым.³⁴⁴

Глас высокопятои: Кто доволен дурости твоея исчести и труды кабацкия понести.

Кто бо слыша безмерное (302) твое воровство [и бешенство]³⁴⁵ и терпению и нагоде не удивит ли ся, иже слыша от людей корчмы беретчися, како убо не усумневся нимало в трезвене разуме, егда видя нагих пред собою ходящих,³⁴⁶ да ми с пропою такову же ми быти и по запечью³⁴⁷ с ярыжными валятися и нагому пред всеми людми ходити и насмеяну³⁴⁸ быти. Оле дурости³⁴⁹ кабацкие и воровства, человеческая разумы омрачаючи! О безделие, брате,³⁵⁰ кто с пропою не научился лгати³⁵¹ или бражника вором (об.) назовут крепким, не бога ради, но наготы ради³⁵² не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати, глаголюще: пождем до вечера, да мужика ограбим и упование меду на ведро возложим и иново рукового³⁵³ нечто бог выдаст и грабим³⁵⁴ и узрим всего пред собою много, пива [и вина]³⁵⁵ и меду, а почести³⁵⁶ нечего.

Кто не дивится и кто не прославит, кто не воспоеет верно мудрых и славных чудес безсребреник... О двоице святая, о честныя главы, о премудросте и славо... (М.)

По сем: Ныне отпушаеши с печи мене раба своего [розянку]³⁵⁷ еще на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо (303) много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте их, [светло тамо открыти окна³⁵⁸ и двери³⁵⁹ приходящим людям.

³³¹ *проп.* Р. И. ^{331—332} и в железа попал у кнута узол оторвал, а кои крылошани и старцы запиваются и их в темницу сажают Р. И. ^{333—334} *проп.* Р. И. ^{335—336} *проп.* Р. И. ^{337—338} во всю спину Р. И. ^{339—340} хлест по спине, а волога по бокам, а на прихлебку по ногам и по рукам, а что, брате, прилучилось, тем и бьем челом, на мало не повешуя, а велика жди не в частом быванье Р. И. ^{341—342} ядят, да часто Р. И. ^{343—344} *проп.* Р. И. ³⁴⁵ *доб.* Р. И. ^{346—347} и не помысли, яко и мы пропойцы таковы же будем по собачьи Р. И. ³⁴⁸ смеху Р. И. ³⁴⁹ о мудрости Р. И. ³⁵⁰ о бездельнаго братства и единомыслия аще Р. И. ^{351—352} то тичится чужих животов красти Р. И. ³⁵³ иново рокового Р. И. ^{354—354} облупим Р. И. ³⁵⁵ *доб.* Р. И. ³⁵⁶ почитать Р. И. ³⁵⁷ *доб.* Р. И. ^{358—359} из двора Р. И.

Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей. Свет во откровение языком и славу людии твоих Израиля. (Ч.)

Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас голянских.³⁶⁰ З — жды.³⁶¹

Святыи боже, святыи крепкии, святыи безсмертныи, помилуй нас. (Ч.)

Слава отцу и матери их и сыну, что родили такова сына, охоч до пьяна пити вчера и ныне [пьет]³⁶² с нами и во веки аминь. Хмель обовладе им³⁶³ гораздо,³⁶⁴ помилуй нас голянских, хотящих пити.³⁶⁵ З — жды.³⁶⁶

Слава отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. (Ч.)

³⁶⁷Слава и ныне.³⁶⁸ Таже: Отче наш, иже еси седиш³⁶⁹ ныне³⁷⁰ дома, да славитца имя твое³⁷¹ нами, да прииди (об.)³⁷² ныне³⁷³ и ты к нам, да будет воля твоя³⁷⁴ яко³⁷⁵ на дому, тако и на кабаке на пече. Хлеб наш будет. Дай же тебя, господи, и сего дни, и оставите должники долги наша,³⁷⁶ яко же и мы оставляем животы своя на кабаке, и не ведите нас на правез, нечего нам дати,³⁷⁷ но избавите нас³⁷⁸ от тюрьмы.

Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. (Ч.)

³⁷⁹Таже³⁸⁰ тропарь кабаку. Глас ³⁸¹11.³⁸² Иже манием содержа³⁸³ и глупостию³⁸⁴ и безумием без меры привлекая множества народа на безумное торжество,³⁸⁵ созывая³⁸⁶ множество искусных³⁸⁷ в разуме³⁸⁸ во тму прела (304) гая,³⁸⁹ в не же³⁹⁰ множество принырая³⁹¹ во глубину пьянства, износят безумныя³⁹² класы,³⁹³ рубахам и порткам и верхним одежам премеменение, и пиву и меду³⁹⁴ истощание, и с похмелья оханию наставниче, кабаке неподобне,³⁹⁵ очистил до нага чтущих тя.

Глас 5. Песнь I. Ирмос: Манием ти на земен образ преложися... (Треф.)

³⁶⁰—³⁶¹ проп. Р, И. ³⁶² доб. Р, И. ³⁶³—³⁶⁴ проп. Р, И. ³⁶⁵—³⁶⁶ проп. Р, И. ³⁶⁷—³⁶⁸ проп. Р, И. ³⁶⁹—³⁷⁰ проп. Р, И. ³⁷¹ доб. с Р, И. ³⁷²—³⁷³ проп. Р, И. ³⁷⁴—³⁷⁵ проп. Р, И. ³⁷⁶ доб. и не просите у нас Р, И. ³⁷⁷—³⁷⁸ проп. Р, И. ³⁷⁹—³⁸⁰ проп. Р, И. ³⁸¹—³⁸² пустошны Р; пустошмешны И. ³⁸³—³⁸⁴ пьяных и в голод Р, И. ³⁸⁵—³⁸⁶ проп. Р, И. ³⁸⁷—³⁸⁸ проп. Р, И. ³⁸⁹—³⁹⁰ иже Р, И. ³⁹¹ понуряя Р, И. ³⁹² безумному Р, И. ³⁹³ доб. нищеты Р, И. ³⁹⁴ вину Р, И. ³⁹⁵ непотребне Р, И.

И отпуст на полати³⁹⁶ спати.³⁹⁷ На утрени с похмелья став, седален, по 2³⁹⁸ чарке на 2 алтына пива, по 2 чарке на 4 алтына меду запити.

По сем полиелеос:³⁹⁹ Понесли целым ведром. Припев: Ушат вам певцем (об.) пивца.⁴⁰⁰

Таже: Хвалите имя пропоищыно,⁴⁰¹ аллилуия.⁴⁰² Хвалите ярыжные его и стоящей пред ним, трубите ему во всю пору и на подворье ему пиво и мед носите. Хвалите его выше⁴⁰³ меры, пойте ему, яко дурному шалну, и вся неподобная ему⁴⁰⁴ в очи лезет. Исповедаются ему ласткою и приветкою ярыжные и гольянские, яко в век обычаи пьяных.⁴⁰⁵ Ведаете не потакати, ино с ним и не пити. Припев тоже:⁴⁰⁶ Исповедаются ему приветкою⁴⁰⁷ и ласткою⁴⁰⁸ выше меры. (305).⁴⁰⁹ Лож ся не выводит,⁴¹⁰ а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати, яко на кого пьяной розклучитца, вы его и пьяные прощайтесь, толко охота с ним и лохом пити, подавайся по рукам, ино легче волосам, толко собою нечем купити, а на людех пити, ино лобои⁴¹¹ терпети.⁴¹² Говорят⁴¹³ без деняг вода пити, яко хто⁴¹⁴ на корчме бытен⁴¹⁵ пьет, всяк его хвалит, в те поры⁴¹⁶ кое у него видят и пьют,⁴¹⁷ а жити⁴¹⁸ про собя⁴¹⁹ на кабаке⁴²⁰ пити, яко в век скупому лают и хотят вси с одного ограбити (об.),⁴²¹ яко⁴²² век около корчмы воры держатца, а хто⁴²³ без ума⁴²⁴ на кабаке пропився деретца,⁴²⁵ яко в век на дурака тюрьма уготована. Хто по мере изопьет в славу божию,⁴²⁶ яко в век⁴²⁷ доброму добрая и слава, а которой без ума живет,⁴²⁸ а вперед не промышляет, как ему жити,⁴²⁹ яко в век живет с позоры. Мы про людей говорим, а про нас люди не молчат же,⁴³⁰ яко в век⁴³¹ какво кликну в лес, тако и откликнется. Хто пьян, то всяк сказывается богат велми, а как проспится, ино перекусить нечево, а в мошне (306) ни пула, яко в век пьяному не ими веры. Хто людей⁴³² добрых⁴³³ слушает, и во всяких мерах сам пребывал, яко благ сам все знает, таковыи милостивыи искусныи во всех⁴³⁴ будет.

Полиелеос. Хвалите имя господне; алилуиа. Хвалите, раби господа, алилуиа. Хвалите господа яко благ господь наш над всеми боги. Благословен господь от Сиона, живый во Иеросалиме. Псалом. Исповедаются госпodeви, яко благ, алилуиа, яко в век милость его, алилуиа. Сотворшему светила велия и единому. И избавил есть от враг наших. Исповедаются богу небесному. (Треф.).

396—397 голым гузном лежати Р, И. 398 первой Р, И. 399—400 таже целым ведром приспели кушать всем певцем. Р, И. 401—402 и воздуряется его Р, И. 403 лишше Р, И. 404 доб. и несоставная Р, И. 405—406 проп. Р, И. 407—408 проп. Р, И. 409—410 проп. Р, И. 411 любо Р, И. 412—413 проп. Р, И. 414—415 весь день Р, И. 416—417 и отечество его знают Р, И. 418—419 ему Р, И. 420 доб. и не Р, И. 421—422 проп. Р, И. 423—424 проп. Р, И. 425 держится Р, И. 426—427 проп. Р, И. 428—429 проп. Р, И. 430—431 аше Р, И. 432—433 проп. Р, И. 434 век Р, И.

Таже величание⁴⁸⁵ кабаку: Величаем⁴⁸⁶ тя, кабаке весельи [и безкручинны]⁴⁸⁷ и чтем⁴⁸⁸ [дурость твою и со глупостью, ты бо купишь собины наша и]⁴⁸⁹ велиш нам по миру скитатися.

Велпчаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего. (М.) Величаем тя, апостоле Христов, и чтем болезни и труды твоя... (М.)

По сем псалом избранной. Терпя потерпех на кабаке живучи и прочее.

Псалом избранной. Терпя потерпех господа. (М.)

По сем молитва пред канон⁴⁴⁰ остолон глаголет:

Спаси боже⁴⁴¹ наготово с пропою люди своя (об.) и⁴⁴² благослови дом⁴⁴³ достойныя воры своя,⁴⁴⁴ молитвами закладу и собины нашея честнаго⁴⁴⁵ и славнаго пропою нашего иже во клятых⁴⁴⁶ костарци⁴⁴⁷ кабацких,⁴⁴⁸ иже ненадобных ростовщиков богомерских,⁴⁴⁹ иже неподобных воров⁴⁵⁰ великих Кокорку и Мариловца. Слона поем, иже безумию их подражател, Михаила Труса и Илеику Чернаго и всех головных воров, молящихся бити их кнутьем и в тюрьму сажати их не надобно щадити, рцем им вси.⁴⁵¹

Спаси, господи, люди своя и благослови достояние свое, победы благоверному... (Ч.)

[Канон⁴⁵² по накрам⁴⁵³ по краегранесию: Величаю умное во крепости стояние непоколебимо да будет. Иеремии глаголет: престанем пити; мы же глаголем: зевается с похмелья, изпитися хошет, взять негде, а в стары (24) заклад не верит. Сушью з гущею воздурнем пропоицу.

Канон преподобному ему же краегранесие свцево (М.)

Канон бражником. Глас пустошной, песнь 1, тормос: Воду прошел, болото перебрел, из двора вышел, от жены злой жюрбы убежал, на кабак зашел, три выпил чарки винца, хватился за мошну, мошны не сыскал, песнь победную воспел, одва и платишком пролез.

Воду прошел яко по суху, из египетска зла избежав, израильтянин воиыаше: избавителю богу нашему поем. (Ч.)

485—486 пьяных. Возрадуем Р, И. 487 *доб.* Р, И. 488—489 *так* Р, И; П собину свою, ты бо купиши с нас. 440 кабаком Р. 441 боже Р. 442 *доб.* не Р, И. 443—444 недостойные и дворы их Р, И. 445 нечестнаго Р, И. 446 проклятых Р, И. 447 костарей Р, И. 448 *доб.* зернщиков Р, И. 449—449 *проп.* Р, И. 450—451 величавых и гордых и безумных голянских кабацких, кои кому последуют и дупителей христианских и неподобных обманщиков и костарей и всех проклятых воровских людей, молимся вам, судии, пощадите их, бив кнутом, в тюрьму оковав покидайте их, рцем вси Р, И. 452—453 *проп.* И; в П *отсюда большой пропуск, дополняю текст по сп.* Р, И.

Запев: Слава бывает всякому человеку по делом его.

Лютыя напасти нося, кабаचे злословны, всем еси приходящим пвианицам неистошимаа ницета, егда же пьян, тогда же и весело (об.), а как проспится, лакомага хватится, ажно и хлеба нет.

Лютыми недуги и болезненными страстьми истязаему... (Ч)

Запев: Во скорби мя сущен и в тузе велией сотворил мя еси.

Собранное мною богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси. Проклинаю тя, дому разорителя.

Кондак глас 2. Богатство свое расточил еси убогим и небесное богатство ныне восприял еси... (Ч.)

Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу.

Всяк, иже к тебе прикоснется, не изыдет, не имея похвалы во устех своих глаголаше: вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничего не сыскал.

И ныне и завтра и на всяком веку человеческого бывает. (25)

С похмелья встав, дуроствию и шаловством держим, пить хочется, а взять негде, на кабак поити не с чем, даром не дадут, заложить нечего.

От сна встав, благодарю тя, всесвятая троице, яко многия ради благости и долготерпения не прогневася на мя... (Ч.)

Песнь 7 тормос: Ты еси, кабаче, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма и омрачение и пьющи⁴⁵⁴ дьруют стоя на тебе.

Песнь 3 ирмос: Ты еси утверждение притекающим ти, господи, ты же свет омраченным и поет тя дух мой (Миния, канон мученице единой).

Многими и великими язвами с похмелья уязвляемся на кабаке, вси есмы страждем от своего неистовства; сего ради кленем тя, а не можем лишиться.

Многими одержим напастьми к тебе прибегаю, спасения искии... (Ч.)

Весь обнажися, не имея на себе одяния ризнаго, вопиющи к полатем, но и тия глаголют: отиди проч, яко и без тебе много голянских валяются zde, а твоего (об.) ради безумия, злыи рабе самоволной,⁴⁵⁵ бешенству работати изволил еси, и от всех человек посрамлен был еси, не можеш лишиться, в песнех пононых воздуряем тя.⁴⁵⁶

⁴⁵⁴ пьющим И. ⁴⁵⁵ самоволному И. ⁴⁵⁶ здесь в Р, И читается текст — «В терпении твоём смирил еси...», который в сп. П читаем выше.

И ныне: Многие добрые люди, человеце, тебе глаголют, яко престани упиватися вином, ты же им отвеща глаголя: дайте ми оправитися, уже бо к тому не стану пити, но не можеши лишитися.

Седален глас пустошны: Злым делом, кабаце, сокровище бываеши, и нас приходящих к тебе обнажаеши, но силою никого не призываеши, а кто придет, безо всего имения отпуцаеши (об.), да того ради зовем ти: радуйся, радуйся кабаце веселы, скорбию].

⁴⁵⁷ По сем (307) канун, творение хто без ума и без памяти пьет, не крестиянски скончаецца. ⁴⁵⁸

Канон творение кир Андрея Критскаго. (М.)

⁴⁵⁹ Седален глас 18 подобен: О болезненошен. ⁴⁶⁰

Иже на кабаке пропився, ⁴⁶¹ во своем помышлении ⁴⁶² глаголаше: егда аз без ума пропився до нага, и не видех выкупающаго [мене], ⁴⁶³ ни других [моих] ⁴⁶⁴ ко мне бывающих, но молю ти ся, ⁴⁶⁵ кабаце, даи же ми ⁴⁶⁶ с похмелья ⁴⁶⁷ оправитися.

⁴⁶⁸ [Слава. Глас пустошной. Хвосливо живет всякой бражник, пьет з басы, проспится с позоры. Свинское житие изволил себе восприяти, где найдет, тут рылом нюхает. Слава недобрая про бражников всегда на тебе, кабаце неправедны, и любовь лицемерная составляется; как видит у нас, так и любит нас и отечество наше почитаюг тя. У пива и у меду все друшки напьемся, хвалимся, ⁴⁶⁹ а проспимся хватимся, в руке ⁴⁷⁰ тоще, а в другой ничево, в кои (об.) поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился, и всяк ненавидит, что в руку у него нет ничего.

И ныне: Кто может изрещи бесование твое, кабаце весельи и пропырливы, множество к себе привлачая на безстудие, в ров погибелны поревая, всякая неправда в тебе содевается, и злоба обнажается, и бесования мечты обявляются, и всякое плясание и песни и играние и иная бесования и высокоречие, нищета и лжа с неправдою, сопелное гудение и [с] ⁴⁷¹ бубны биение, скакание бесовское, самоволное грехов умножение, души погу-

⁴⁵⁷ Отсюда возобновляется сп. П. ^{457—458} проп. Р, И. ^{459—460} други седален глас той же Р, И. ^{461—462} иже своим промышлением Р, И. ⁴⁶³ доб. Р, И. ⁴⁶⁴ доб. Р, И. ^{465—466} проп. Р, И. ⁴⁶⁷ доб. дабы мне Р, И. ⁴⁶⁸ Здесь в сп. Р, И. вставлен вторично светилен, который во всех списках читается и выше — см. П л. 309 —, возможно, что это вариант, но ошибке переписанный дважды: «Яко злодеям пристанище, кабаце, к тебе притекающим, явися, шед на подворье, сотворим нагоде терпение, голоду умножение, наготы босоты изнаवेशены шесты, голоду и холоду погребы навалены, радуися пропившиися, а пропився плачися, своим неистовством мучися, и сконча (27) житие свое за собаки место; иногда ед, а иногда нет». Р. И. Отсюда в П большой пропуск; дополняю по сп. Р, И. ^{469—470} в рибѣ И. ⁴⁷¹ доб. И.

бление и благодати умаление, гласовом возвышение, гневу умножение, брани и драки воздвижение (28), с повелением возми, да убей его до полусмерти. Резать повелеваеши, яко люты зверь всех снедая, бедам великим и блудному греху учитель, душевному дому разорение, скаредным рукам грязнение, грабежу наставниче, костем ломание падающих о землю и неможущих в себе пианства утаити. Мнози же⁴⁷² не часто [на тебе бывают, а часто]⁴⁷³ поминают, чудеса твоя гнилая и непотребная поведает, а нечистоту проклинают. Беззакония еси исполнен, дурости совершен, во вся страны дурость твоя, корчма, с неправдою славится.

Кто изрещи может подвиги твоя, отче, или кто изоче множество трудов твоих и чудес твоих дивных... (Треф.)

Таже чтение на тюремном дворе, в соборнике до денег, как выкупиться, ему же начало не знает, как выкупиться, и никто не верит. (28 об.)

Песнь 9 тормос: Ты ми, кабаचे, злыи учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одряться,⁴⁷⁴ несытством своим все приобрел еси, тем з голянскими вопию ти: слава дурости твоей, человеконенавистниче.

Песвь 4 ирмос: Ты ми христе, господь, ты же и сила ми, ты ми бог. ты ми радование, не оставль недра отча, но милостию си нашу нищету посетив, тем с пророком Аввакумом зову: силе твоем слава, человеколюбче. (Треф.)

Хотя с похмелья оправитися, человечество свое и славу ни во что же вменив, и работав диаволу и злосмрадным своим похотем и всегда к тебе, кабаचे, приходя, упиваяся и с блудницами расточих все свое имение, и ныне плачуся своего неразумия, ваг пребываю, но даждь ми опохмелитися (29).

Воровству, кабаче, наставниче, отпа и матери лишился еси,⁴⁷⁵ и друзи возненавидеша мя, и ныне к кому прибегну, понеже ради моего безделья родители мене отвергошася и вмениша мя аки пса смердящаго.

Слава: Явихся аз сквернен тобою, кабаче, всем в посмеяние и ныне великою бедою одержим есмь. Егда пил, тогда и весел был, ныне же великою скорбию уязвляюся с плачем, но никто может ми помощи, но и паче злословят мя.

И ныне: Ярыжным кабацким подражател явихся, но и те отрывают мя глаголюще: отиди от нас прочь, не умеешь у добрых людей хлеба (об.) выпрошать, и с похмелья чарки вина никто не даст тебе, кабаче, священником еси омрачение, иноком посмех, а простым людям нечестная смерть.

⁴⁷² проп. же И. ⁴⁷³ доб. И. ⁴⁷⁴ одеться И. ⁴⁷⁵ лишил еси мя И.

Песнь 5 тормос: В бездне кабацкой одержим похмелями неизбытныя пропасти твоя, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел.

Песнь 6 ирмос: В бездне греховней одержим, неиследную милосердия твоего призываю бездну, от тли, боже, мя возведи. (Треф.)

Обнажил мя еси, кабаचे, злыдням наставниче, от срама толко чюжая сторона спознати. Тебе ради и сущии родители возненавидеша мя и отрывают мя от себе, глаголюще и проклинающе.

Слава. С похмелья востав, скорбию одержим, к тебе, кабаче, объявится не с чем, но молюся знаемым и ближним моим (30), да бы мя опохмелили, они же вси отрицаются, глаголюще: пропади от нас, не свой ты нам.

И ныне: От похмельныя болезни кааявся и клятву налагах, яко не учну пити; егда же обзатохся, бываю таков же, яко же и вчера, или паки и дурнее того творюся.

От сна востав — см. выше.

Песнь шестая. Очистил мя еси, кабаче, до нага, много было имения, из дому все выносил, и на тебе пропил, и к жене прибрел,⁴⁷⁶ и наг и бос, борже спать повалилися, а в нощи пробудился, и слышах жену и детей злословиящих мя: ты пьешь и бражничаешь, а мы с голоду помираем. (30 об.)

Песнь 6 ирмосы. Очистил мя еси, спасе, многа бо беззакония моя и из глубины зол возведи мя, молюся к тебе: бо воззвах и услыши мя, боже спасения моего. (Треф.)

Тебе ради, кабаче, вся сия претерпех, и друзи мои и ближнии мои далече от⁴⁷⁷ мене сташа и гнушахуся мя,⁴⁷⁸ и бегающе аки пса смердящаго. Ты, кабаче, дому моему разоритель и ближним моим разлучитель.

Слава: Несытством и слабостию одержим, к тебе прибегаю,⁴⁷⁹ кабаче непотребны, наготовю одеяся, яко щитом неподобным, нелицемерно и непостыдно вооружен есмь на восхищение чюжаго имения.

И ныне: Понурихся во глубину пропасти своим нерадением,⁴⁸⁰ собацкое скитание изволих, безместно житие возлюбих, о кабаче не (31) потребне, токмо срамотою побеждаем и знающим и в глаза появиться немощно].

⁴⁸¹ Кондак ⁴⁸² кабаку ⁴⁸³ глас 10. ⁴⁸⁴ Избранному ⁴⁸⁵ кабаку безумныя песни принесем, вкупе пьюще, ⁴⁸⁶ а на утре день весь оханьем (об.) провожающе, но яко имея к наготе дерзновение, житию поруха, голоду величание, о всех

⁴⁷⁶ пришел И. ⁴⁷⁷ проп. от И. ⁴⁷⁸ проп. мя И. ⁴⁷⁹ прибегах И. ⁴⁸⁰ неразумием И.
⁴⁸¹ Отсюда возобновляется сп. П. доб. та же Р, И. ⁴⁸²⁻⁴⁸³ проп. Р, И. ⁴⁸⁴ плошной Р, И.
⁴⁸⁵ Вабранному Р, И. ⁴⁸⁶ доб. радующеся Р, И.

нас пьющих кабацкая пазуха веселися, а⁴⁸⁷ целовалники неправым богатством возбогатеша; с веселием ждет вас дно адово, а ярыжные на криве⁴⁸⁸ божбою своею⁴⁸⁹ души свои ломаите, вам бо невозбранно адова врата отворяются, и во аде болшое место готовится, да вси, кабаचे неблагоприятне, зовем тебе: бесованию наставниче [радуися, глупости велики учите лю.]⁴⁹⁰

Взбранному и дивному чудотворцу наша земля днесь прителем любовью, тебе плетуше песнь, богоносе Петре, но яко имея дерзновение ко господу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти; радуйся, утверждение граду нашему. (Час.)

⁴⁹¹Икос (308). Кто ли пропився до нага не воспомянет тебя, кабаче неподобне? Како ли хто не воздохнет во многие дни собираемо богатство, а во един час все погибе? Каяты много, а воротить нелзе. Пил еси, после будет тебе о сермяге въздыхати. Три дни испил еси, с похмельч оханья на три дни залезл еси, рукоделия заложил еси, около кабака часто ходити изволил еси, глядети часто ис чужих рук извыкл еси; глядение лихое пуше прошения бывает.

Бубенная стукота созывает (об.) пьющих на шалное воровство, велит нам нищеты ярем восприяти и глаголет винопицам: приидете, возвеселимся вмале, а опосле заплачем, сотворим возношение платью нашему всякому на вине пропивание. Тому почюдимся, как вмале был разумен, а в мегновении ока стал безо всего, крепок безумен видящим на смех, а себе на великую срамоту с поношением. Кто ли про тебя молвит, кабаче непотребне, да лишитися не мотчи тя, тем же злословим тя, кабаче неблагоприятне, бесованию наставниче. (309).⁴⁹²

[Микос: Восхваляем ныне людем вино пиющим, да пивом на оправку возвеселимся.]

Кто явится от вина весь шумен и безумен, да пивом он обзадорится, по мале же нищетою болит,⁴⁹³ яко разцвел душею, обнажен до нага, неподобен: тем же, яко дурень, явися пианица на пакость видящим на смех, а себе на убогую нищету; тем же аз малоумныи не возмогу изрещи про⁴⁹⁴ пианство: поле пекелное, но како возмогу, толико и възглаголю, тем же от юз содрогнувся, от многия печали малодушне изреку, зане глупостию покровен и недоумением содержим есмь и ужасаюся рещи. Како возмогу глупы аз козни твоя изрещи? (32)

⁴⁸⁷ доб. кабацкие Р, И, ⁴⁸⁸⁻⁴⁸⁹ проп. Р, И. ⁴⁹⁰ доб. Р, И. ⁴⁹¹⁻⁴⁹² этого отрывка в Р, И. на данном месте нет, но, как и в сп. П, эти песнопения встречаются выше — возможно, что здесь они по ошибке переписаны второй раз. Дальше в сп. П также вторично читаем: «Яко злодеем пристанище...» Отсюда в сп. П. пропуск; дополняю по сп. Р, И. ⁴⁹³ болим И. ⁴⁹⁴ проп. про И.

Кто ли возшед в избу кабацкую, испив вина гораздо, не шален отидет?⁴⁹⁵ Кто ли от земнородных изрещи возможет глупость твою, хмель высокоумны? Кто ли не похвалит вино, данное нам на веселие, и мед во сладость гортани нашей и пиво беседа наша добрая? Кто ли не вспомянет частыя твоя ковши? Кому ли не вспомянути ниския твоя поклоны, и како ли не ублажатся на завтрое из ковшев сладкия ти пития? Кто ли не въздыхает пропився до нага? Тем же умилно подшибши руки к сердцу зовем: богатства истощителю, прият власть над всеми пьяными и всех в мир пущаеши.

Како не дивимся житию твоему или не похвалим, преподобне, житие твое равноангельное, помысла целомудрие и кротость твою... (Мин.)

Песнь 6. Дивно и ужасно и студа исполнено трезвому слушать, яко про пьяного глаголют (32 об.), токмо ъханием и частым въздыханием усугубляя, да вси от сердечныя болезни тя злословим и похуляем.

Странна и ужасна содеваеши чудеса... (Сл. св. Николаю, прмос).

Погубих безчисленное имене, в кою пору у нас пили, в то время нас и величали, а ныне у нас в руках не видят, и они нас же осмежают и дураками называют.

⁴⁹⁶ Слава. Радуйся, кабаचे, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю, имению истощителю.

И ныне. Ин никто же таков⁴⁹⁷ явился, яко же ты, кабаче, всякому человеку неложная пустоха,⁴⁹⁸ гневу водворителю, нищета пребедная еси всем.

Песнь 8. Всякую мя, хмель, отринул от лица людей добрых и света не [заходимого]⁴⁹⁹ с похмелья (33) видети не могу, покрыла мя есть чюжая тма от похмелья,⁵⁰⁰ но обрати к свету, от похмелья,⁵⁰¹ пити давай, молюся.

Всякую мя отрину от лица твоего, свете незаходяи, покрыла мя есть чужа тма окаянного, но обрати мя и к свету заповедей ти пути моя направи, молюся ти. (М.)

Вскую валяюся с похмелья, жадает ми душа пития, а взять негде; умилно к целовальнику вопию: помилуй мя похмельнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно, молюся.

Легок есмь и добро течение сотворю кабацкому двору, вшед в ызбу быстро зрение содеваю, кто чарку оплошно держит или пред собою поставит, аз же не устрашихся поушника, взашей пхания, елико возмогох,

⁴⁹⁵ будет И. ⁴⁹⁶⁻⁴⁹⁷ проп. И. ⁴⁹⁸ питоха И. ⁴⁹⁹ так И; Р заходимы. ⁵⁰⁰⁻⁵⁰¹ проп. Р, И.

скочих, взях (об.) и востах, и на [полати]⁵⁰² текох, и реку ему: на твоём жалованье челом бью; тебе нелюбо,⁵⁰³ да мне⁵⁰⁴ за честь.

Слава. Сокровище некрадомое нашему имению, кабаке несыты, яко в пропасти понырающе сами ницетою одержими, а твоя несытыя утробы наполнити не можем.

Песнь 4 ирмос. Богатство почерп от сокровища некрадомого божественнаго благодетелю копием прободеннаго ти ребра премудрости и разума наполняет мир близнец. (Т. Цв.)

И ныне. Ныне мы вси от безделья вопием ти: ницета еси сказуемая, поругание иноческому чину, а мирским людям обнищание и одолжение и всего добра лишение.

Песнь 9. Всяк хмелен да взыграется (34) [дуростию]⁵⁰⁵ озарен, ликовствует же и бесовские полки; бесовство бо⁵⁰⁶ на кабаке почитаемо и в бубны биение и песней воспевание: радуися, кабаке, чистоха и лупитель пианицам.

Всяк земнородный да взыграется духомь просвещаемь, да торжествует же безплотных умов естество, почитающее священное торжество богоматере, и да вопиет: радуися, всеблаженная, богородице чистая приснодево. (Сл.)

По сем. Достойно есгь яко вора батоги бити приставом велети и просався да на правез имати; в те поры пить любо было, а теперево платить нечем; честнее было бы скоро отдати и славнее бы было, чтобы с платежем сам пришел [а ныне]⁵⁰⁷ без всего имения стал скован и изувечен, а опохмелится нечем.]

Достойно есть яко воистину блажити тя богородицу, присноблаженную и пренепорочную и мать бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую во истину серафим, без истления бога слова рождьшую сущую богородицу тя величаем. (Ч)

Таже светилник.⁵⁰⁸ Светилен глас пустошной.⁵⁰⁹

Яко злодеем⁵¹⁰ пристанище, кабаке, к тебе притекающим, явил, сошедшеся на подворье, сотворим пестом возношение,⁵¹¹ ступам воздвизание,⁵¹² овсяной⁵¹³ соломе извождение, наготы, босоты⁵¹⁴ и гладу⁵¹⁵ изнавешано шесты. Радуися с пропивающими, а просыпаяся плачися, своим неистовством мучися, житие скончая за собаки место.

На хвалите стихиры глас пустошныи, подобен: терпящи нужу.

⁵⁰² так И; Р полатку. ⁵⁰³⁻⁵⁰⁴ даст И. ⁵⁰⁵ так И; Р доростию. ⁵⁰⁶ проп. бо И. ⁵⁰⁷ так И; Р к мне. ⁵⁰⁸ Отсюда возобновляется сн. П. ⁵⁰⁸⁻⁵⁰⁹ проп. Р, И. ⁵¹⁰ злодеи Р, И. ⁵¹¹⁻⁵¹² проп. Р, И. ⁵¹³ всякой Р, И. ⁵¹⁴⁻⁵¹⁵ проп. Р, И.

Терпяще томления гладная (об.) крепко радуящиеся надеемых, коего дни сыту быги, друг ко другу глаголюще: ярыжные кабацкие, егда убо пьяной⁵¹⁶ из мошны денег выимет,⁵¹⁷ и от дурнаго обычая не оставляем, [восприимем ярость]⁵¹⁸ з голоду, терпение не добро с молотцы пропивати, но добро⁵¹⁹ у мужиков⁵²⁰ у пьяных напиватися, не убоимся, о голенские, мало⁵²¹ поворуем, да с кнутьем по торгу [водими будем от судей в тюрьму ввержемся]⁵²² [и тамо мы с голоду не умрем.

Терпяще зубом искоренение и руку отрезание и ногу и соспу раздробление удом от беззаконных судей в доброты женихов взираючи болезни претерпевающи паче естества, многострадальная, невеста нетленная Христова, моли еже спасти душа наша. (М.)

Мечюще одеяние свое, ходяще безпрестани на корчму друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дяконы склад чиняху и на мед посылаху на ведро глаголюще: прошьем⁵²³ однорядку темнозеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленого, сорокоустными денгами окупимся; сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать (35 об.), черными сермягами оболчемся и у мужиков во братчинах изопьем и от попадеи жюрбы убежим и опять по старому жити почнем, видяще наготу кабацкую, текуще яко⁵²⁴ к убытку великому, друг ко другу служивые люди глаголаху: немножко меду возмем для уныния, посидим, никако с себя ничево не заложим, и как хмель силу возмет, пропита будет и однорядка; поживем на кабаке, не спустим и кафтану своему, не пощадить пианица платья своего.]⁵²⁵ Хочет до нага пропитися з басы, пред собою стояти ярыжным повелевая. да скоморохами⁵²⁶ [вострубит, без всего живота станет, да с похмелья кручиною увязется и от добрых людей отлучится, и без всего имения станет.

Ины стихиры пустошныи: Самозван еси, человече, прииди на кабак, видя на суши тонущих без воды, а ты хочешь сух вытти, мечты творишь во уме: немножко посижю для уныния, ажно в долгое время пройдет, веселие твое в печаль обращается, болезнь умножается, стонога и охание с похмелья.

На хвалу на кабак потекл (36 об.) еси, малоумне человече, и той ты прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси.

Глас 8. На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни и той ты прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему, моли спасти души наша.

⁵¹⁶ у пьяного Р, И. ⁵¹⁷ выимем Р, И. ⁵¹⁸ так Р, И; П яро. ⁵¹⁹⁻⁵²⁰ проп. Р, И. ⁵²¹ убо о голенские тако Р. ⁵²² так Р, И; П увяземся и оттуде и в тюрьму; с этих слов в П большой пропуск. ⁵²³ И. доб. одеяние сиречь ⁵²⁴ доб. слепи И. ⁵²⁵⁻⁵²⁶ эти слова есть и в П

Изучился красти по миру ходя, малоумны рабе, и непослушливы делателю бесования, ты наготу кабацкую понесл еси, ты живот свой пропил еси, и пришедшим по тебе не завидел еси, тем же и на полати гузном сажю уготовался терти, выиди за печь в пробойную улицу, чтобы ты з голоду не уморили.

Иже прежде зовема и в древняя (37) наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуися, кабаچه, отемнение Вычеготскому Усолию, и ныне не токмо ты Усолие почитает, но и в далних языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе и на Лале⁵²⁷ и в протчих волостях сердечное въздыхание и в перси бление.

Кто твоя гнилая чудеса изочтет, кому ли ты потребна нареку? Беснующему ли ты уподоблю, но беснующии неволею страждет, ты же самоволно скакати и плясати повелеваеши, да того ради зовем ти: радуися, кабаچه, ярыгам и дьячком и прочим христианам самоволное⁵²⁸ (об.) бесование, злосмердение и зловерие, маломожное житие,⁵²⁹ многое въздыхание, кабаچه веселы, мучися своим неистовством.

Слава и ныне пустая, глас шестопятой.

Егда приидет от кабака на подворье к жене своей, мирная глаголаху: сего дни видевши подворницы его непрестанно кленяху, ови же укоряху его глаголюще: яко ясти нечего, а пьеш; гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернешь ему шею на сторону, о чем долго не бросиш о землю, но убо з горем тако глаголется, яко не мощи терпети (38),⁵³⁰ всегда муж той пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чюжю сторону спознаша.

На стих[овне] стихиры. Глас пулной. Подобен: что ты наречем.

Что ты ныне, кабаچه, нареку, дурна ли или безумна, разбойника ли ты нареку, но манием о землю бросаешь, купца ли ты нареку, ибо не даром даеши многое твое бесование и больше истощание, кабаچه мои, моли о пиющих на тебе з голянскими своими.

[Стих].⁵³¹ Многия скорби с похмелья бывают.

Како ты ныне, кабаچه, призовем, умна ли или безумна, всякие беды от тебя приходят, но мы от тебя откупаемся и заклады емлем, иные перемменяем к тебе (об.), безчестия не хотим; кабаچه, моли з голянскими своими.

Стих: пианица яко теля наготою и убожеством процвете.

Что ты наречем, кабаचे, река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе время ноцное, и быстрины твоего течения престанут, целовалники учнут; корчмо несытая утробо, моли с голянскими своими о недостатках наших.

Что ты наречем обрадованная, небо яко восияла еси, солнце правды рай, яко возрастила еси цвет нетления, деу, яко пребыла еси нетленна чистая... моли спастися душам нашим. (Ч.)

Стихиры глас 8 подобен: что вас наречем. Что ты именуем, апостоле, небо ли, яко славу исповедал еси божию, реку ли, яко тварь напояеши тайно... моли о спасении душ наших. (М.)

Слава недобрая пианицам. Глас пулной.

Вооружився крепко на пиющих, кабаче недостойны, веселы, яко неки зверь при горах, такожде и ты, кабаче погибелны, по вся дни привлекаая к себе на веселие и на пропитие платья и денег, всяким неправдам крепки воевода, напаче воеводы, занеже и самого воеводу (39) обидишь, понеже ты молча уловляеши человеки, яко же и всего им лишитися имения, иже долго время привлекаеши к себе на веселие, долго быти повелеваеши у себе, премудрая суета, голое сиротство, з басы говоришь не то: понеси, размахни, почерпни, наливай, потащи, закладывай, выкупаи, а после отходяще⁵³² и воздыхающе.⁵³³

О великое чудо, кто на тя безделное не пронесет, но мы про тебе говорим и злобою кленем тя, а не тешим. Тем же присно с воздыханием⁵³⁴.

И ныне глас остаточной.

Что ти принесем, веселая корчмо? Кажды человек различны⁵³⁵ дары тебе приносит со усердием сердца своего: поп и дьякон — скуфы и шапки (об.), однорятки и служебники; чернцы — манатъи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя; дьячки — книги и переводы и червилы и всякое платье и бумажники пропивают, а мудрыя философы — мудрость свою на глупость пременяют; служилые люди — хребтом своим на печи служат; князе и бояре и воеводы за меду место величаются; пушкарки и салдаты тоску на себя купили, пухнут, на печи лежат; сабелни[ки]⁵³⁶ саблю себе на шею готовят; лекари и обманщики⁵³⁷ напастья на тебе⁵³⁸ величаются; тати и разбойницы веселятся, а холопни спасаются, кости нося]⁵³⁹ (310) в приполе, говорят быстро, плюют далече, з басы на погибель бросаютца, басливые батоги на тебе освящаются, жовки блуд и скарество приносят, мужни жены добрые срамоту себе улучают, зер[н]щички и костари и такалщички усовую болесть себе получают, ставают, охают, ложася стонут,

⁵³² отходят И. ⁵³³ воздыхают И. ⁵³⁴ доб. поминаем И. ⁵³⁵ доб. всякия И. ⁵³⁶ доб. И. ⁵³⁷⁻⁵³⁸ на И. ⁵³⁹ возобновляется сп. П. отсюда проп. до жития в Р. И.

ростовщики ворогушу себе вырастили, тружает их сухотою по вся часы; скупщики всякие стонут на тебе; купцы, десятники и довотчики (об.) кнутом венчают, пономари туды ж, что люди, в стадо бредут, воск и свечи приносят, что былные ж люди туды же пьют, и всякий человек рукоделны и простыи искуснии всякими дурогми тебе веселяя, корчмо величают, мы же вси любящей тя и отцов и матери оставихомся, чужую сторону с позоры познавахом; всякий тя человек проклинает, толко тебя не лишатся, повары всякия мудрости свои на винную чарку предают, лесники (311) кунцы и соболи и векши на пече ище имавают лежа, тот соболь ведра другово суден. Кузнецы топоры и ножи и наковална молоты и клещи и косы себе на шею готовят. Хмелю, проломил еси нас, всякому вежству з басы научил еси нас, веселие нашему веку и сухоту, славим тя болезнено во веки.

Что ти принесем, Христе, яко явися на земли человек нас ради. Каяждо бо тобою бывших тварей благодарение ти приносит, аггели пение, небеса звезду, воисви дары, пастырие чюдо, земля вертеп, пустыни ясли, мы же мать деву иже преже век, боже помидуи нас. (Т.)

Припев: Нападает помышление на чтущих соборов, в сердцы ж советующих пребывает свет чреву и скорбящу смирится сердце, ботеющу телу (об.) сверепеют помышления.

⁵⁴⁰ Житие и позоры и горкое терпение и о любящих многое питие ⁵⁴¹ без меры бла[го]словите мя плутати. ⁵⁴²

Сии убо родишася от многих стран различных от неподобну родителю безумну и з горестию хлебом воспигани быша. Друзии же от добру и богату родителю быша рождени, воспитани же нескорбно и безпечално. Егда же достигоша юношескаго возраста ⁵⁴³ и не изволиша по отеческому наказанию жити (312), но ⁵⁴⁴ изволиша по своей воли ходити, родители же здержавше их и не возмогоша и предаша воли их. Они же приложишася ⁵⁴⁵ ко онем наказным ⁵⁴⁶ и начаша ходити на вечера и на вино многое; ⁵⁴⁷ родители же их не возмогоша здержати никакими наказанми и предаша воли их. Они же быша буяви и храбри, не быша же не древоделцы, ни земледелцы, ⁵⁴⁸ взяша же некую часть имения ото отец своих, и приидоша на корчмицу, разточнша же (об.) имение свое не бога ради, после же обнищаша и взалкаша, телеса же своя наготою одеяша, срамные уды обявиша, не срамляху бо ся лица чловеча, не пекущеся о житейских, но чрево имуще несытно, пьянства желая всегда упиватися и яко болван валятися

⁵⁴⁰ отсюда возоби. сп. Р. И; доб. Чтение по 3 песни Р. И. ⁵⁴¹⁻⁵⁴² н[а] он. Р. И. ⁵⁴³⁻⁵⁴⁴ проп. Р. И. ⁵⁴⁵⁻⁵⁴⁶ в невоздержанию Р. И. ⁵⁴⁷⁻⁵⁴⁸ проп. Р. И.

и досаждати человеком нелесными глаголы, приемлюще побои и ударения⁵⁴⁹ и сокрушения⁵⁵⁰ костем,⁵⁵¹ в ию же нужу⁵⁵² терпеша глад и наготу и скорбь всяку, не имеяху ни под (313) стилания мягкаго, ни одаяния⁵⁵³ тепла, ни⁵⁵⁴ под главою⁵⁵⁵ зголовья,⁵⁵⁶ но яко пси⁵⁵⁷ свернувся⁵⁵⁸ искаху себе запечна места,⁵⁵⁹ телеса же их обагрени быша сажею,⁵⁶⁰ дым же и жар терпяху, вся та не бога ради, но⁵⁶¹ для своего бешеня.⁵⁶²

Аще бытакия беды бога ради терпели, воистину бы были⁵⁶³ новые⁵⁶⁴ мученики, их же бы достойно память их хвалити. Ныне же кто не подивится безумию их, без ума бо сами себе исказиша; не довлеет бо им (об.) милостыни даяти,⁵⁶⁵ но вместо даяния сами восхищяху, вместо коленаго поклонения плескания предлежит, вместо же молитвы к богу сатанинския песни совершаху, вместо бдения ношнаго всенощно спяху, и инех опиваху, друзии же обыгрываху, вместо поста безмерное питие и пьянство, вместо фимияннаго обоняния смрадаху бо телеса их, от афендров их исхожаху лютыи (314) безмерныи смрад, вместо понахиды родитель своих всегда поминающе матерным словом,⁵⁶⁶ [от юнаго]⁵⁶⁷ возраста достигше до средовечия, никако же первых обычаев отлучишася, но на горшая прострошася и заблудишася.⁵⁶⁸ [от истины внадоша в ров погибели (40 об.), в нощи убо не усыпаху и не почиваху, но обидяще чюжие дома призирающе, дабы нечто украсти; аще же что украдут, то все в несытую свою вливающе утробу аще ли стрегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и узами железными свяжут и уранят и в темницу отдадут. Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их, и ничто же им поможет, не достигли бо суть добра возраста, ни красныя зрения, ни седин процветения.]

Приложение II

В списке б. Румянц. музея, № 1565, половины XVIII в., тексту службы кабаку предшествует новое предисловие, к сожалению, сохранившееся без начала и в сильно испорченном виде. В этом предисловии рассказывается о том, как некто «по божню милосердию отторгшийся» от пьяниц возве-

549—550 *проп.* Р, И. 551—552 *проп.* Р, И. 553 одеяла Р, И. 554—555 *проп.* Р, И. 556 *доб.* высокого Р, И. 557—558 скверны всегда Р, И. 559—560 телом же беша почернели, аки арапи сини Р, И. 561—562 но являя свое бешенство, на все горкое отлучишася житие: зернию бо и карты безстыдно забавляющася напивахуся Р, И. 563—564 *проп.* Р, И; 565—566 *проп.* Р, И. 567 *так* Р, И; II отговнях. 568 *отсюда в II пропуск, доп. по сп.* Р, И. В II по лл. 291—295 *внизу запись:* «Син кабак Никиты Петрова сына Новоселцова а подписал по его велению Придучского монастыря дьякон Юрье Попов назвищем Удачных лета 4 дрвд году марта в въ 9 день».

стиль об их «скаредном житии», а другой и «письменно издаде» его рассказ. Далее идет описание того впечатления, какое у слушателей вызывало это сочинение. Поэтому совершенно ошибочно Викторов, описывая этот список «службы кабаку», счел данное предисловие принадлежащим его автору (см. Описание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 33). В стиле этого предисловия и последующих статей нет ничего общего с языком пародии, при том же в нем совершенно ясно говорится о службе кабаку, как о готовой, уже «прежде положенной», к которой лишь добавляются теперь для большей убедительности ссылки на авторитетные источники. Имея в виду, что эти «выписки из божественного писания о тех же пианицах» встречаются в списках уже конца XVII в., мы должны к тому же времени, во всяком случае не более позднему, отнести и самое предисловие, хотя список его имеется лишь от половины XVIII в. (Викторов ошибочно датирует его концом XVII в.: ни почерк, ни водяные знаки не дают на то оснований). Издаем это предисловие полностью по единственному сохранившемуся списку.

Дополнительные статьи или, как их называет автор предисловия, «выписки из божественного писания о тех же пианицах», сохранились в трех списках: Архива Мин. ин. дел, № 250—455 (подробное описание этой рукописи см. П. К. Симион. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Вып. первый. СПб. 1899, стр. 1—68) на лл. 278 об.—295, конца XVII в.; Историч. музея, № 3859, нач. XVIII в., л. 31—58; Б. Румянц. музея, № 1565, половины XVIII в., лл. 40—62. Ниже даем перечень этих статей с указанием их главных источников.

[Предисловие].

Б. Румянц. музей, № 1565, XVIII в.

(л. 1) а вместо славословия божия всегдашнее сквернословие з драки, бои и мятеж; и толико быша скаредни и мерски всякому, яко и худши и бедственнейшии их в человецех не обретається. Сего ради ни поведания каковаго чинословнаго быша достоини,¹ не бо хочет кто от них слышати или разглаголствовати, на... по некоему божию милосердию отторгшеса от них, возвещааи мало от... про их скаредное житие. Ии же некто от обретшихся и писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть алигореюю их чином, сии есть глаголюи и иная изьявляя. Сотвори убо то... (об.) от них во образе торжествен начало² их

¹ Рук. достоини.

² Рук. начало.

праздника, подобно яко бы вечерню и утреню, понеже они обыкли от вечера даже до утра в пустошных беседах упраздившися; того ради вящие обличая их шаловество, состави яко бы праздник кабацких ярыжек, но им толико сотвори сея праздниче не ненавистен, елико единого слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо же они, но и елицы в доме клитвострех живущих и сико любящи, и сии такожде слышати ненавидят, и яко нечистым духом одержими, бесятся, и не престанут (л. 2) от молвы, дондеже преминется сей праздник читати.

Сей праздник разсуждается от неких не без прибытка быти человеческого пребывания, и явно суть в нем приувеляющих и возбраняюще, аще кто имеет таковую страсть к запойству, да останется неимушии слышав и возгнушався опасен будет от нея, увеселительное аще и возмнит кто применить к кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковыи да не понуждает[ся] к читанию, но да оставит могущему и читати и ползоватися. Всякое доброе, аще не добре творит, добро побеждает, яко же и при враческом (об.) художестве в зелиях бывает потребно и ядовие в мерном разстворении ко здравью, сице и зде, аще благоискусныи читатель, иже весть предложити и ко времени и к лицу и к потребе сотворити по намерению своему ползу добрую, яко же и от протчих святых писании, по злomu своему намерению приводя, кощунствует, и сему определения несть, яко же восхощет, тако и сотворит, и от благаго злое и от зла благаго по коегождо, яко же рехом, намерению, но зде, аще и начинается смехотворным образом, но напоследок положены (3) суть многия выписки из божественнаго писания о тех же пианицах, согласна прежде положенному кабацкому празднику, которыи вкупе с божественным писанием обличают и гаждает пианиц, да тем устрашают прочих, видевших такое злосмрадное их житие, и да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости. И по сему не есть порочно сие изложение кабацкого праздника, но и полезно по вышепоказанному и[з]явлению,¹ его же начало полагается зде сицевым образом.

[Перечень дополнительных статей].

1. «Пишу ти от недомыслия моего и малоумия моего...» — обращение автора последующей повести к «возлюбленному о Христе брату моему имя рек многосогрешивый и непотребный имя рек много челом бию и писанием сицемь беседую...».

¹ Рук. явлению

2. «Притча. Бе некий человек невоздержно пианственное питиа пиаше и повсегда упивался...» — повесть о пьянстве, составленная на основе главным образом интерполированной редакции Откровения Мефодия Патарского [см. В. М. Истрия. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянорусской литературе. Москва. 1897, стр. 116. То же см. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 17] и отчасти Слова о высокоумном хмелю и о пьянице [см. рук. собрания Погодина, № 1594, XVI в.]. Повесть оканчивается правоучением «блажен той иже весма хмелному питию не прикасяся, поминая реченное Иоанном Златоустом...» и затем следует ряд выписок¹ из Иоанна Златоустого, Василия Великого, Тропника, ап. Павла, Соломона, Илариона Великого, пророка Исаии, Иисуса сына Сираха, Варнавы, из патерика, папы Иннокентия; за этими цитатами следуют ссылки на примеры из библейской и византийской истории, свидетельствующие о губительном действии пьянства. Эти ссылки заканчиваются рассказом о том, как в Смутное время поляки подвезли вина на Ходынку, московские люди перепились, и были посечены поляками: «все сие от пианства учинилось, толико телес под меч подклонилось, сами они себе погубили, что велми много вина пили, толко им вина немного пити и такои бы силе потраченои не быти» — таким рифмованным правоучением заканчивается этот эпизод.

3. «Двоестрочием о безмерном питии и о злом запойстве». Нач.: «Егда человек много вина испивает, Тогда он все свое домовное радение забывает...» — вирши о пьянстве, составленные на основе «Слова св. Кирилла Философа о хмелном питии ко всем людям» (см. Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древнерусск. литературе, с. 25), Слова о высокоумном хмелю и о пьянице [рук. Погодина, № 1594], проложного поучения «к царем и князем и епископом и попом и ко всем христианом, еже не упиватися» (см. Пролог 7 апреля; Пономарев. Памятники церк.-учит. литературы, вып. IV, стр. 141—142). Здесь в новой форме собрана вся старая, давно знакомая русскому читателю аргументация против пьянства, частью взятая из византийских образцов, частью из русских подражаний им. Вирши неравносложные, сбивающиеся еще сильно на рифмованную прозу.

4. Послесловие, представляющее вместе с введением к притче о пьянстве рамку, объединяющую все предшествующее, снова обращается к «честнейшему отцу, великому господину, дражайшему брату, богом лю-

¹ Об этих выписках см. П. К. Симони, назв. соч., стр. 19.

бимой душе», к какому-то анонимному корреспонденту, судя по титулу, духовному лицу, представителю высшей иерархии. Кто именно это был, точнее установить трудно за неимением данных. Благодаря этой рамке весь набор старых обличений пьянства получил здесь вид послания к неизвестному лицу, формы, хорошо знакомой московской литературе XVII в. Эта форма вместе с добросовестно использованными источниками определили и язык автора: он не имеет ничего общего с живой образной речью Кабацкого праздника, возвращая нас назад к старой славянорусской литературной речи, лишь украшенной сообразно с модой XVII в. рифмой. Рифмованные отрывки встречаются и среди прозаического текста.

5. В списке б. Румянц. музея № 1564, вслед за этим текстом помещено еще виршами изложенное «слово о пьянстве сотворено и о злом злопийстве учинено трезвым на утверждение, а пьяницам на посрамление», нач.: «первы стих о(т) пьяных крик. Дивну траву с прелестию лукаваго являем и ведения ради пьяницам обьявляем...». Часть этих вирш попала в лубочные картинки (см. о них В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. СПб. 1911, стр. 4—5); здесь они явно добавлены по сходству темы к предшествующей вполне законченной части.
